МОЙ БОСС РАЗБИЛ МНЕ СЕРДЦЕ ДВАЖДЫ

СОФИЯ ОСТРОВСКАЯ

София Островская

Мой босс разбил мне сердце дважды

https://litres.ru/74886427

Аннотация

Я была идеальной ассистенткой — и его тайной слабостью. Мы не афишировали отношения, но я знала: босс — мой. Пока однажды не застала его в кабинете с другой женщиной. На его столе. В его объятиях. Я ушла, не дав ни шанса на объяснения. Сменила работу, город, жизнь. Но он — мой бывший босс — преследовал меня повсюду: у офиса, у подъезда, в моих снах. «Это была не измена, — сказал он, — я спасал тебя». Как поверить боссу, который разбил сердце? И что, если его ложь — единственная правда, способная меня уберечь?

Содержание

Искра в полночь	4
Поцелуй после дедлайна	13
Невысказанное правило	25
Угроза в конверте	36
Командировка без прощания	48
Стеклянный занавес	61
Белое заявление	71
Город без прошлого	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Искра в полночь

Панорамные окна переговорной на пятьдесят восьмом этаже башни «Громов Холдинг» открывали головокружительный вид на ночной город. Миллионы огней мерцали внизу, словно рассыпанные по черному бархату бриллианты, но ни один из присутствующих в этой стеклянной клетке не смотрел наружу. Все взгляды были прикованы ко мне.

Я стояла у интерактивной панели, чувствуя, как ткань строгой юбки-карандаш слегка сковывает движения, а шелковая блузка, застегнутая на все пуговицы, внезапно кажется слишком тесной. Воздух в помещении вибрировал от напряжения. Презентация нового алгоритма кибербезопасности для пула азиатских инвесторов длилась уже третий час. Это был решающий момент для компании, и, что еще важнее, это был тест для меня.

Я сделала глубокий вдох, собирая воедино все свое самообладание. Мой голос звучал уверенно, низко и бархатисто, разрезая звенящую тишину переговорной.

— Таким образом, интеграция нашего модуля позволит снизить риски несанкционированного доступа на беспрецедентные девяносто восемь процентов. Система не просто реагирует на угрозу, она предвосхищает ее, анализируя поведенческие паттерны в реальном времени.

Пока я переключала слайды, выводя на экран финальные

графики рентабельности, мой взгляд невольно скользнул во главу огромного стола из темного дуба. Туда, где сидел он. Дмитрий Громов. Мой босс. Владелец этой корпорации и человек, который одним своим присутствием заставлял воздух в комнате сгущаться.

Он сидел, откинувшись на спинку кожаного кресла, небрежно расстегнув верхнюю пуговицу белоснежной рубашки. Галстук был давно отброшен в сторону, рукава закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья с легкой сетью вен. В его позе читалась расслабленность хищника, который точно знает, что контролирует каждый дюйм своей территории. Но его глаза... Темные, глубокие, как безлунная ночь, они смотрели на меня с таким жгучим, немигающим вниманием, что у меня по спине пробежала дрожь.

В этом взгляде не было профессионального одобрения. В нем было нечто совершенно иное, первобытное и темное, от чего низ живота стянуло сладким, тяжелым узлом. Я была идеальной ассистенткой. Я знала его расписание поминутно, помнила, сколько кубиков льда он предпочитает в виски, и могла считывать его настроение по одному лишь излому брови. Мы держали идеальную дистанцию. Но в такие моменты, когда между нами не оставалось никого, кроме увлеченных цифрами инвесторов, эта дистанция казалась тонким льдом, готовым треснуть от одного неосторожного шага.

— Впечатляюще, Анна Сергеевна, — наконец прервал тишину господин Чен, главный представитель инвесторов. Он

перевел взгляд на Дмитрия. — Господин Громов, вы не преувеличивали, когда говорили, что ваша команда способна творить чудеса. Мы готовы обсудить детали контракта.

Дмитрий медленно кивнул, его губы тронула легкая, почти хищная полуулыбка.

— Я никогда не преувеличиваю, мистер Чен. Мои люди — лучшие из лучших. А Анна... — он сделал микроскопическую паузу, и мое имя на его губах прозвучало как заклинание, — Анна — мой самый ценный актив.

Слово «актив» резануло слух, но тон, которым оно было произнесено, заставил кровь прилить к щекам. Я поспешно опустила глаза, делая вид, что сортирую бумаги на столе. Следующие сорок минут прошли как в тумане. Обсуждение юридических тонкостей, подписание предварительных соглашений, обмен рукопожатиями. Я функционировала на автопилоте, безупречно выполняя свою роль: подавала ручки, улыбалась, провожала гостей к лифтам. Но каждая клетка моего тела была напряжена, как натянутая тетива. Я чувствовала на себе взгляд Дмитрия. Он не отпускал меня ни на секунду, словно физически прикасаясь ко мне через всё пространство переговорной.

Когда двери лифта закрылись за последним инвестором, часы показывали половину первого ночи. Огромный офис погрузился в тишину, прерываемую лишь тихим гудением кондиционеров.

Я вернулась в переговорную, чтобы собрать оставшиеся

документы. Дмитрий все еще был там. Он стоял у панорамного окна, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на ночной город. Широкие плечи, узкая талия, идеальная осанка. В нем чувствовалась скрытая, дремлющая сила. Я всегда знала, что за лоском успешного IT-миллиардера скрывается человек с тяжелым, возможно, страшным прошлым. Слухи ходили разные, но я никогда не задавала вопросов. Меня не касалось то, что было до меня. Меня вообще ничего не должно было касаться, кроме моей работы.

— Вы блестяще справились, Анна, — его голос раздался неожиданно громко в пустой комнате, отразившись от стеклянных стен.

Я вздрогнула и выпрямилась, прижимая к груди кожаную папку.

— Спасибо, Дмитрий Алексеевич. Проект действительно сложный, но мы проделали отличную работу.

Он медленно обернулся. В тусклом свете ночных ламп его лицо казалось высеченным из камня. Резкие скулы, жесткая линия челюсти, и эти глаза, от которых невозможно было спрятаться. Он шагнул ко мне. Шаг. Еще один. Движения бесшумные, плавные. Как у барса.

Мое сердце забилось быстрее. Воздуха вдруг стало катастрофически не хватать.

— Мы, — эхом повторил он, останавливаясь в полуметре от меня. Слишком близко. Нарушая все негласные корпоративные правила. — Ты не спишь уже третьи сутки из-за этой

презентации. Я вижу тени под твоими глазами, Аня.

Он впервые назвал меня по имени, без официального отчества. От этого простого «Аня» по телу прокатилась волна неконтролируемого жара. Запах его парфюма — терпкая смесь бергамота, черного перца и дорогого дерева — ударил в ноздри, дурманя рассудок.

— Я в порядке, — мой голос дрогнул, предательски выдавая волнение. Я отступила на полшага назад, но уперлась спиной в край тяжелого дубового стола. Отступать было некуда.

— Лжешь, — мягко констатировал он.

Дмитрий протянул руку к столу, намереваясь взять планшет, лежащий прямо рядом со мной. Его движение было медленным, почти гипнотическим. Я тоже потянулась к планшету, желая опередить его, чтобы сбежать, чтобы прервать эту пытку близостью. Наши руки встретились. Его пальцы, горячие и чуть шершавые, накрыли мою ладонь. Время остановилось. Это не было случайным прикосновением. Он не убрал руку. Наоборот, его пальцы медленно, мучительно нежно скользнули по моей коже, обжигая каждый миллиметр. Искра, проскочившая между нами, была настолько реальной, что я почти услышала электрический треск. Дыхание перехватило. Я подняла на него глаза, оказавшись в плену его потемневшего, голодного взгляда.

В этот момент вся моя профессиональная выдержка, вся гордость и независимость рассыпались в прах. Между нами

бушевал ураган невысказанного желания, копившегося месяцами. Я видела, как тяжело вздымается его грудь, как он стискивает зубы, борясь с собой. Его взгляд опустился на мои губы, и я невольно приоткрыла их, с шумом втягивая воздух. Он сделал полшага вперед, его бедро прижалось к моему. Жар его тела проникал сквозь тонкую ткань юбки, заставляя меня мелко дрожать. Я чувствовала его силу, его жесткость, его абсолютную власть надо мной. Моя рука все еще находилась под его горячей ладонью, и он слегка сжал мои пальцы, притягивая меня еще ближе. Мой рассудок кричал, что это ошибка, что я должна оттолкнуть его, бежать прочь из этого кабинета, но тело жило своей жизнью. Я подалась вперед, навстречу этому гибельному огню.

— Аня... — хрипло выдохнул он, склоняясь к моему лицу. Его губы были в миллиметре от моих. Я чувствовала вкус его дыхания. Еще секунда, и я бы сдалась, бросилась в этот омут с головой.

Тишину разорвал резкий, пронзительный рингтон телефона. Звук ударил как хлыст. Мы оба вздрогнули. Оцепенение спало. Дмитрий резко отстранился, словно очнувшись от наваждения. Он провел рукой по лицу, глубоко вздохнул, и я увидела, как в одно мгновение меняется его облик. Маска безжалостного бизнесмена, холодная и непроницаемая, снова опустилась на его лицо, пряча любые эмоции.

Он достал из кармана телефон. Я успела заметить, что номер был скрыт.

— Да, — бросил он в трубку. Голос был ледяным, лишенным даже намека на ту хриплую нежность, что звучала секунду назад.

Я стояла у стола, обхватив себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь и успокоить бешено колотящееся сердце. Чувствовала себя так, словно меня окатили ледяной водой. Лицо Дмитрия по мере разговора мрачнело. Желваки на скулах заходили ходуном, а глаза сузились, превратившись в две узкие щели, источающие чистую ярость. Атмосфера в комнате из интимной и жаркой мгновенно стала угрожающей, удушливой.

— Я сказал тебе не звонить мне сюда, — процедил он сквозь зубы, отходя к окну. — Ты переходишь границы. Если ты посмеешь...

Он замолчал, слушая собеседника. Его свободная рука сжалась в кулак так сильно, что побелели костяшки. От него исходила такая темная, разрушительная энергетика, что мне захотелось сжаться в комок. Это был не мой босс. Это был человек из того самого опасного прошлого, о котором шептались в кулуарах.

— Я решу этот вопрос. Сама ничего не предпринимай, — резко оборвал он разговор и сбросил вызов.

Тишина, повисшая в переговорной после звонка, была тяжелой, почти осязаемой. Я стояла, не смея пошевелиться, не понимая, что только что произошло. Кто мог звонить ему посреди ночи? Кто мог заставить этого непоколебимого че-

ловека так сильно нервничать и злиться? Дмитрий медленно повернулся ко мне. В его глазах больше не было ни желания, ни теплоты. Только глухая, непроницаемая стена.

— Презентация окончена, Анна Сергеевна, — его голос звучал сухо, как шелест гравия. — Вы можете идти. Оставьте документы на столе.

Я моргнула, чувствуя, как внутри разливается обида и жгучее чувство унижения. Всего минуту назад он смотрел на меня так, словно готов был сожрать живьем, называл меня Аней, а теперь... Теперь я снова была просто функцией. Безликой строчкой в штатном расписании.

— Как скажете, Дмитрий Алексеевич, — мне стоило колоссальных усилий произнести это ровно и без дрожи.

Я аккуратно положила папку на стол. Выпрямила спину. Вскинула подбородок. Я — Анна Ветрова. Я не позволю никому, даже самому желанному мужчине на свете, вытирать об себя ноги. Развернувшись на каблуках, я направилась к дверям. Я чувствовала его взгляд на своей спине — тяжелый, сверлящий, но он не произнес ни слова, чтобы остановить меня.

Когда створки лифта закрылись, отрезая меня от пятьдесят восьмого этажа, я прислонилась горячим лбом к прохладному металлу кабины и закрыла глаза. Моя рука все еще помнила жар его пальцев. Мои губы все еще горели от не случившегося поцелуя. Я не знала, кто звонил ему этой ночью. Я не знала, какая тень из прошлого только что встала

между нами. Но я точно знала одно: искра, вспыхнувшая сегодня в полночь, уже подожгла бикфордов шнур. И взрыв был неминуем.

Поцелуй после дедлайна

Следующие три дня превратились в изощренную, изматывающую пытку. Мы играли в классическую корпоративную холодную войну, правила которой не были прописаны ни в одном уставе, но соблюдались нами с пугающей безупречностью.

С того самого момента, как я покинула его кабинет ночью после презентации, между нами выросла невидимая, но осязаемая стена из пуленепробиваемого стекла. Дмитрий Алексеевич снова стал тем самым Громовым — недосягаемым, ледяным, требовательным до жестокости. Он отдавал распоряжения рублеными, короткими фразами, не поднимая на меня глаз от монитора. Я отвечала сухим «да, Дмитрий Алексеевич», «будет сделано», «отправила на почту». Никаких «Аня». Никаких затянувшихся взглядов. Никакого электричества.

Точнее, электричество никуда не исчезло. Оно ушло глубоко под кожу, пульсировало в венах, заставляя меня вздрагивать каждый раз, когда мы случайно оказывались рядом в лифте или когда он передавал мне папку с документами, следя за тем, чтобы наши пальцы, не дай бог, не соприкоснулись. Это показательное дистанцирование ранило сильнее, чем любая открытая грубость. Оно доказывало лишь одно: то, что произошло (или едва не произошло) между нами но-

чью, испугало его не меньше, чем меня. Или же тот ночной звонок заставил его вспомнить о ком-то другом. О ком-то, кто имел на него больше прав, чем личная ассистентка. Эта мысль обжигала изнутри ядовитой ревностью, на которую я не имела ни малейшего права.

К вечеру пятницы напряжение в офисе достигло своего апогея. Азиатские инвесторы оказались дотошными до зубного скрежета. Договор на сотню страниц пестрел красными поправками, сносками и юридическими ловушками, которые мы с юристами разгребали все эти дни. Дедлайн по отправке финальной версии контракта был установлен на восемь утра субботы по токийскому времени. У нас оставалась всего пара часов. К десяти вечера огромный опен-спейс за стеклянными стенами приемной полностью вымер. Юристы, сдав свою часть работы, разбежались по домам, оставив нас с Громовым один на один с финальной вычиткой.

За панорамными окнами бушевала стихия. Осенний ливень обрушился на город стеной воды, ветер с яростью швырял капли в толстое стекло пятьдесят восьмого этажа, словно пытаясь прорваться внутрь. Грозовые раскаты глухо вибрировали где-то вдалеке. В кабинете горел лишь приглушенный свет торшеров да светились экраны наших ноутбуков. Мы сидели друг напротив друга за длинным приставным столом. Вокруг высились стопки распечаток, пустые кофейные чашки и скомканные стикеры. Тишину нарушал лишь дробный стук дождя и шелест переворачиваемых страниц.

Я потерла воспаленные глаза, чувствуя, как от усталости начинает двоиться в глазах. Шея затекла, спина ныла от неудобной позы. Я стянула с ног туфли на каблуках, спрятав ступни под столом, и позволила себе глубокий, тяжелый вздох. Шелест страниц напротив мгновенно прекратился.

— Устали, Анна Сергеевна? — его голос, хриплый от долгого молчания, заставил меня вздрогнуть. В полумраке его лицо казалось изрезанным резкими тенями. Он выглядел измотанным: темные круги под глазами, небритость, придавшая его жестким чертам опасный, хищный вид. Белая рубашка была расстегнута на три пуговицы, открывая вид на крепкую ключицу и темные волоски на груди.

— Нет. Все в порядке, — солгала я, поспешно выпрямляя спину и утыкаясь в документ. — Осталось проверить пункт о взаимной ответственности при форс-мажоре, и мы можем конвертировать файл.

Громов отложил ручку. Медленно, словно нехотя, он закрыл свой ноутбук. Звук щелчка прозвучал в тишине оглушительно.

— Хватит, — коротко бросил он.— Но контракт...— Контракт идеален. Юристы вылизали его трижды. А вы сейчас пропустите ошибку, потому что спите с открытыми глазами.

Он поднялся из-за стола, потянулся, разминая затекшие мышцы. Я невольно залюбовалась тем, как перекатываются мышцы под тонкой тканью его рубашки. В нем была грация крупного, сильного зверя, запертого в клетке офисного

дресс-кода. Дмитрий подошел к встроенному бару из темного дерева, открыл дверцу и достал тяжелый хрустальный декантер с янтарной жидкостью. Плеснул на два пальца в один бокал, затем, немного помедлив, взял второй. Звякнули кубики льда.

Он вернулся к столу, обошел его и остановился рядом со мной. Поставил один бокал передо мной на столешницу, отодвинув в сторону стопку контрактов.

— Выпейте. Это приказ, — произнес он, садясь на край моего стола, прямо передо мной. Одна его нога оказалась возмутительно близко к моему колену.

Я неуверенно взяла тяжелый стакан. Терпкий запах односолодового виски ударил в нос. Я сделала маленький глоток. Обжигающая жидкость огнем прокатилась по горлу, мгновенно разливая тепло по уставшему телу. Громов молча пил свой скотч, не сводя с меня тяжелого, изучающего взгляда. От этого взгляда по спине снова поползли мурашки. Холодная война закончилась. Воздух между нами снова начал искрить, сгущаясь, наполняясь запахом дождя, алкоголя и мужского парфюма.

— Почему вы здесь, Анна? — вдруг тихо спросил он.

— Мы закрываем сделку года, Дмитрий Алексеевич, — ответила я, прячась за профессиональной броней.

— Я не об этом, — он покачал головой, делая еще один глоток. — Пятница. Половина одиннадцатого ночи. Вы молодая, красивая женщина. Почему вы торчите в пустом офи-

се с невыносимым начальником, вместо того чтобы пить коктейли в баре с подругами или... ждать дома любимого человека?

Вопрос ударил под дых. Он перешел черту, ступил на личную территорию, куда я никого не пускала. Я крепче сжала стакан, чувствуя, как стеклянные грани впиваются в кожу.

— Моя личная жизнь не должна вас волновать, — сухо отрезала я.

— Но она меня волнует, — парировал он с пугающей откровенностью. Его голос снизился на октаву, стал бархатным, проникающим прямо под кожу. — Я смотрю на вас уже полгода. Вы приходите первой, уходите последней. Вы работаете так, словно прячетесь за этой работой от чего-то. Или от кого-то. У вас ведь никого нет, верно? Никто не ждет вас в пустой квартире.

Внутри меня вспыхнула внезапная злость. Злость на его проницательность, на его беспардонность, на то, что он был абсолютно, дьявольски прав.

— Если вам так интересно, — я вздернула подбородок, глядя прямо в его темные глаза, — меня никто не ждет, потому что полгода назад я разорвала помолвку.

Громов чуть прищурился, но не перебил, приглашая продолжать. И меня прорвало. Усталость, виски и его подавляющее присутствие развязали мне язык.

— Мы были вместе три года. Планировали свадьбу. А потом я застала его в нашей кровати с другой. С девушкой,

которая была... проще. Которая не пропадала на работе, не строила карьеру, а смотрела ему в рот. Он сказал, что со мной слишком сложно. Что я замужем за своими амбициями. Поэтому теперь я замужем за вашей корпорацией, Дмитрий Алексеевич. Довольны?

Я залпом допила виски, обжигая горло, и с громким стуком поставила стакан на стол. Дыхание сбилось. Я ненавидела себя за эту минутную слабость, за то, что вывернула перед ним душу. Но Дмитрий не усмехнулся. В его глазах не было жалости — только мрачное понимание. Он долго смотрел на меня, а затем медленно произнес:

— Он был идиотом. Слабаком, который не потянул сильную женщину. Вы заслуживаете того, кто не испугается вашего огня, Аня.

Мое имя снова сорвалось с его губ, и в этот раз оно прозвучало как ласка. Он поставил свой недопитый бокал рядом с моим.

— Я знаю, каково это — возвращаться в пустоту, — вдруг сказал он совершенно другим, глухим голосом. Он смотрел не на меня, а куда-то сквозь панорамное окно, в бушующую тьму. — Год назад я развелся.

Я замерла. В компании ходили сотни слухов о Громове. Говорили о его связях с криминальным миром в девяностые, о жестоких методах ведения бизнеса, но никто ничего не знал о его семье. Он был закрытой книгой.

— Она была красивой, из хорошей семьи, — продолжил

он с горькой усмешкой. — Идеальная партия. Но оказалось, что ей нужен был не муж, а статус. Мой банковский счет, мои связи, моя фамилия. Когда начались серьезные проблемы с одним... старым врагом, когда мне нужна была ее поддержка, она просто собрала вещи. Сказала, что не подписывалась на риск. Что я монстр, с которым опасно жить.

Он перевел взгляд на меня. В его глазах полыхала такая неприкрытая боль и одиночество, что у меня перехватило дыхание. В этот момент передо мной сидел не всемогущий босс. Передо мной был уязвленный, глубоко раненый мужчина.

— Вы не монстр, — прошептала я, прежде чем успела прикусить язык.

Дмитрий усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Ты меня совсем не знаешь, Аня. Во мне столько тьмы, что ты бы в ужасе сбежала, если бы увидела хотя бы половину.

— Я не пугливая.

Слова повисли в воздухе. Зрительный контакт стал невыносимо тяжелым, плотным. Расстояние между нами, казалось, физически сократилось, хотя никто из нас не сдвинулся с места. Мое сердце заколотилось о ребра, как обезумевшая птица. Дышать стало тяжело. В кабинете стало невыносимо жарко. Дмитрий медленно наклонился вперед. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Я чувствовала исходящий от него жар, запах виски и тот самый дур-

манящий аромат мужской кожи.

— Не пугливая? — хрипло переспросил он, глядя на мои губы. Его взгляд был голодным, собственническим, темным от желания.

Я лишь судорожно сглотнула и отрицательно покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. Он поднял руку. Его пальцы, горячие и сильные, скользнули по моей шее, зарылись в волосы на затылке. От этого прикосновения по всему телу пробежал электрический разряд, кончики пальцев закололо. Я невольно выгнулась навстречу его руке, издав тихий, почти жалкий вздох. Этот звук сорвал чеку.

С глухим, звериным рыком Дмитрий подался вперед и накрыл мои губы своими. Это не было похоже на нежный романтический поцелуй из кино. Это было столкновение двух комет. Голодное, отчаянное, почти грубое присвоение. Его губы были горячими, требовательными, жесткими. Он сминал мой рот с такой силой, словно умирал от жажды и я была его единственным источником воды. В первую секунду я оцепенела от неожиданности и напора, но уже в следующее мгновение вся подавленная страсть, все напряжение последних месяцев взорвалось внутри меня фейерверком. Я ответила ему с не меньшей яростью. Мои руки сами собой взметнулись вверх, обвились вокруг его шеи, зарылись в густые, чуть жесткие волосы.

Он застонал — низко, гортанно, прямо мне в рот. Его язык властно раздвинул мои губы, сплетаясь с моим в жар-

ком, неистовом танце. Вкус виски, горечь кофе и что-то неуловимо-сладкое, присущее только ему, свели меня с ума. Дмитрий дернул меня на себя. Я даже не поняла, как оказалась стоящей между его раздвинутых ног, вплотную прижатая к его твердому телу. Его руки собственнически легли на мои бедра, сминая узкую юбку, притягивая меня к себе. Даже сквозь слои ткани я почувствовала его твердость, его отчаянное возбуждение, и от этого низ живота свело тягучей, пульсирующей судорогой.

— Аня... Боже... Аня, — шептал он в перерывах между поцелуями, покрывая влажными, горячими поцелуями мою челюсть, шею, спускаясь к ключицам. Его небритость приятно царапала нежную кожу, заставляя меня выгибаться дугой.

Мои пальцы дрожали, когда я вцепилась в лацканы его рубашки, пытаясь расстегнуть неподатливые пуговицы, чтобы добраться до его кожи. Ткань затрещала. Мне было плевать. Мне было плевать на контракты, на субординацию, на то, что мы в офисе. Был только этот мужчина, его руки на моем теле, его сводящий с ума запах и огонь, пожирающий нас обоих. Его ладони скользнули по моей спине вверх, под тонкий шелк блузки. Горячие, широкие ладони обожгли голую кожу. Он расстегнул крючки моего бюстгальтера одним ловким, уверенным движением, словно делал это тысячу раз. Я ахнула, когда его руки накрыли мою обнаженную грудь. Большие пальцы жестко прошлись по набухшей груди, вырывая из моего горла бесстыдный, громкий стон.

— Тише, девочка моя, тише, — хрипел он, снова впиваясь в мои губы, забирая мои стоны себе.

Он подхватил меня под бедра, отрывая от пола, и одним рывком посадил на рабочий стол. Папки с документами, ручки, распечатки полетели на пол с громким шелестом, но мы этого даже не заметили. Мои ноги рефлекторно обвили его талию, прижимая его еще ближе, насколько это было возможно. Поцелуи стали глубже, влажнее, откровеннее. Мы задыхались от нехватки кислорода, но не могли оторваться друг от друга. Это было безумие. Страстное, неловкое из-за поспешности, дикое безумие. Его руки блуждали по моему телу, сминали ягодицы, забирались под юбку, скользя по чулкам вверх, к кружеву белья. Каждое его прикосновение оставляло на коже невидимый ожог. Я сходила с ума от желания почувствовать его внутри себя, прямо здесь, прямо сейчас, на этих чертовых разбросанных бумагах.

Я запустила руки ему под рубашку, проводя ногтями по горячей, влажной от пота спине. Он вздрогнул, его дыхание стало прерывистым, рваным. Он прижался лбом к моему лбу, тяжело дыша. Наши грудные клетки ходили ходуном в унисон.

— Аня... — его голос сорвался, прозвучав почти отчаянно. Его пальцы, уже добравшиеся до края моих трусиков, замерли.

Я открыла глаза, затуманенные страстью. Дмитрий смотрел на меня. В его расширенных зрачках плескалось неконт-

тролируемое вожделение, но на дне этого темного омута зарождалось осознание. Осознание того, что мы сейчас творим. Мы находились в шаге от точки невозврата. В шаге от того, чтобы перечеркнуть все, что связывало нас до этого момента. Он медленно убрал руки из-под моей юбки. Закрыл глаза на секунду, борясь с собой. Желваки на его скулах снова напряглись.

— Мы не можем, — прошептал он, отступая на полшага назад, вырываясь из кольца моих ног. Его голос все еще дрожал от нерастраченной страсти. — Боже, Аня, я хочу тебя до одури, но не здесь. И не так.

Я сидела на краю стола, растрепанная, с расстегнутой блузкой, с горящими губами и пульсирующим желанием, которое никуда не делось. Мне было невероятно холодно без его рук. Чувство потери было таким острым, что на глаза навернулись слезы.

— Дмитрий... — я попыталась потянуться к нему, но он мягко перехватил мои руки.

— Нет, — он покачал головой, нежно, но твердо сжимая мои запястья. — Если мы не остановимся сейчас, я возьму тебя прямо на этом столе. А ты заслуживаешь большего, чем торопливый секс в кабинете после дедлайна.

Он бережно запахнул на мне блузку, стараясь не касаться голой кожи, словно боялся, что если прикоснется, то снова сорвется.

— Собирайся, — его голос обрел прежнюю, жесткую уве-

ренность, хотя в нем все еще звучали хриплые нотки. — Я отвезу тебя домой. Контракт подождет до утра.

Он отвернулся, давая мне возможность привести себя в порядок. Я спрыгнула со стола, чувствуя, как дрожат колени. Дрожащими пальцами я застегнула бюстгальтер и пуговицы на блузке, поправила юбку. Подняла с пола туфли. В кабинете повисла тяжелая, густая тишина, прерываемая лишь раскатами грома за окном.

Мы не произнесли ни слова, пока спускались в лифте на подземную парковку. Ни слова не было сказано и в салоне его черного внедорожника, пока мы ехали по залитым дождем улицам ночного города. Но это молчание больше не было холодным. Оно вибрировало от невысказанных слов, от подавленных стонов, от понимания того, что этот поцелуй изменил всё. Рубикон был пройден. И ни он, ни я понятия не имели, что нас ждет на другом берегу. Одно было ясно точно: идеальная иллюзия наших профессиональных отношений разбилась вдребезги.

Невысказанное правило

Дни превратились в безупречно отрепетированный спектакль, а ночи — в сладкое, сжигающее дотла безумие. С той грозовой пятницы, когда между нами рухнули все барьеры, моя жизнь раскололась на две параллельные реальности, которые никогда не должны были пересечься. Днем я снова была Анной Сергеевной — собранной, строгой, застегнутой на все пуговицы идеальной ассистенткой генерального директора. Мы блестяще играли свои роли перед сотнями сотрудников. Я приносила ему кофе, подавала отчеты, организовывала встречи. Мой голос звучал ровно, его — сухо и требовательно. Ни один мускул на его лице не дрогнул бы, даже если бы я случайно задела его руку, передавая папку с контрактом. Мы стали настоящими мастерами иллюзий. Никто в «Громов Холдинг» не мог даже заподозрить, что скрывается за этим ледяным фасадом профессионализма.

Но как только двери лифта на подземной парковке закрывались, как только мы оказывались в салоне его тонированного внедорожника или за тяжелыми дубовыми дверями роскошных номеров, маски срывались. Мы прятались. Это было главным условием нашей новой, ошеломляющей реальности. Мы выбирали самые уединенные места: бутик-отели на окраине города, закрытые загородные клубы, куда пускали только по клубным картам, частные виллы, скрытые за

высокими заборами и вековыми соснами. Каждое наше свидание было похоже на спецоперацию. Мы приезжали в разное время. Я брала такси или ехала на своей машине, а он появлялся позже, проходя через неприметные черные ходы.

В эту пятницу Дмитрий снял шале в элитном закрытом комплексе в сорока километрах от города. Это был бревенчатый дом с панорамными окнами, выходящими на темную, спокойную гладь лесного озера. Внутри пахло хвоей, дорогим табаком и потрескивающими в огромном каменном камине дровами. Я приехала первой, успела принять душ и теперь стояла у окна в шелковом халате винного цвета, обхватив руками чашку с горячим чаем. За окном сгущались сумерки. Тишина этого места оглушала после бешеного ритма мегаполиса.

Когда за спиной щелкнул электронный замок и раздались тяжелые, уверенные шаги, мое сердце по привычке пропустило удар. Дмитрий вошел в гостиную, на ходу сбрасывая темное кашемировое пальто на кресло. Он выглядел уставшим — напряженные линии вокруг губ, суровый взгляд, чуть растрепанные волосы. Но едва его глаза нашли меня в полумраке комнаты, освещенной лишь отблесками пламени, этот лед мгновенно растаял, уступив место тому самому голодному, темному огню, от которого у меня подкашивались ноги. Он подошел ко мне, забрал чашку из моих рук, не глядя поставил ее на подоконник и притянул меня к себе. Его губы накрыли мои с собственнической, отчаянной жад-

ностью. В этом поцелуе не было нежности — только сырая, первобытная потребность. Он целовал меня так, словно хотел выпить до дна, словно я была его единственным якорем в штормовом море. Я послушно приоткрыла губы, впуская его, отвечая с той же безоглядной страстью, путаясь пальцами в его волосах. Запах морозной свежести, дорогой кожи и его природный, сводящий с ума мускусный аромат ударили в голову крепче любого вина.

— Я скучал, — хрипло выдохнул он мне в губы, отрываясь на миллиметр, чтобы вдохнуть воздух. — Весь день смотрел на тебя на совещаниях и сходил с ума от того, что не могу прикоснуться.

— Ты очень убедительно играл безразличие, Дмитрий Алексеевич, — прошептала я, слегка кусая его за нижнюю губу.

Он издал низкий рык, его руки собственнически скользнули по шелку моего халата вниз, сжав ягодицы, вжимая меня в свою твердость.

— Пришлось, Аня. Нам обоим приходится.

Его тон внезапно изменился, стал серьезнее, тяжелее. Дмитрий отстранился, провел рукой по лицу и, взяв меня за руку, повел к глубокому кожаному дивану у камина. Он сел, потянув меня за собой, и усадил так, чтобы я смотрела ему в глаза.

— Нам нужно поговорить, — произнес он, и от этих слов по моей спине пробежал холодок. Я ненавидела эту фразу.

Обычно за ней следовало что-то разрушительное.

— О чем? — я напряглась, инстинктивно пытаясь запахнуть халат плотнее, но он удержал мои руки.

— О нас. О том, как все это будет работать дальше, — его взгляд был серьезным, почти суровым. — Аня, ты умная женщина. Ты понимаешь, что мы не можем афишировать наши отношения. Ни в офисе, ни за его пределами. Никто не должен знать. Ни единая живая душа.

Я сглотнула подступивший к горлу ком. Разумом я понимала это с самого начала. Я сама была сторонницей профессиональной этики и прекрасно осознавала, чем грозит роман генерального директора и его личной ассистентки. Слухи, сплетни, потеря репутации, обвинения в фаворитизме. Но услышать это от него, произнесенное таким безапелляционным, холодным тоном... Это было больно. Это звучало так, словно он стыдился меня.

— Я понимаю, — мой голос прозвучал суше, чем мне бы хотелось. Я вздернула подбородок, глядя в его темные глаза. — Корпоративная этика. Совет директоров не одобрит. Акционеры...

— К черту акционеров, — резко оборвал он, и в его голосе лязгнул металл. — Дело не в корпоративной этике, Аня. Дело в моем статусе. Я — публичная фигура. Моя жизнь под микроскопом. Мои конкуренты, пресса... они сожрут тебя живьем, если узнают. Они будут искать любую уязвимость, любую болевую точку, чтобы ударить по мне. А ты... — он

осекся, его желваки дрогнули. Он поднял руку и нежно, контрастируя с резкостью слов, коснулся моей щеки. — Ты сейчас моя главная уязвимость.

Я замерла, вглядываясь в его лицо. За этой броней бизнесмена, за его непроницаемостью я вдруг увидела неподдельный страх. Не за свои миллионы. За меня.

— Дмитрий... ты говоришь так, словно мы на войне. Кому какое дело, с кем ты спишь?

— В моем мире всё иначе, — глухо ответил он, отводя взгляд на огонь. Пламя отражалось в его глазах тревожными бликами. — Мое прошлое... оно не такое чистое, как фасады моих бизнес-центров. Там есть вещи, которые могут навредить. Люди, которые не прощают успехов. Я просто хочу защитить тебя. Поверь мне. Это невысказанное правило — цена твоей безопасности. Никто не должен знать, что ты моя.

«Ты моя». Эти два слова, произнесенные с такой собственнической хрипотцой, стерли все мои возражения. Моя гордость, которая еще секунду назад готова была взбунтоваться против роли «тайной любовницы», сдалась без боя. Я вспомнила своего бывшего, который изменял мне в открытую, не заботясь о моих чувствах. Дмитрий же просил о тайне, чтобы уберечь. По крайней мере, я отчаянно хотела в это верить.

— Хорошо, — тихо сказала я, накрывая ладонью его руку, лежащую на моей щеке. — Пусть будет так. Стеклянная стена в офисе, закрытые двери здесь.

Он шумно выдохнул, словно сбросил с плеч бетонную плиту. Его глаза потемнели, зрачки расширились, почти затопив радужку.

— Я не заслуживаю тебя, Ветрова, — прошептал он.

— Однозначно не заслуживаешь, — слабо улыбнулась я.

И тогда он атаковал. Опрокинул меня на мягкую кожу дивана, нависая сверху огромной, горячей тенью. Его рот завладел моим с сокрушительной силой, выбивая из легких весь кислород. Это было больше, чем желание — это была одержимость. Узел его галстука полетел на пол первым. Я торопливо, срывающимися от нетерпения пальцами расстегивала пуговицы его рубашки, жаждая добраться до горячей, литой груди. Он не стал церемониться с моим поясом. Полы шелкового халата распахнулись, оставляя меня перед ним в одном тонком кружевном белье. Дмитрий замер на секунду, тяжело дыша. Его пылающий взгляд скользнул по моему телу от ключиц до кончиков пальцев на ногах. Под этим взглядом моя кожа покрылась мурашками, груди затвердели, болезненно упираясь в тонкое кружево лифа, а внизу живота все стянуло от невыносимого, пульсирующего напряжения.

— Какая же ты красивая, — хриплый шепот обжег кожу на шее.

Он наклонился, оставляя влажные, обжигающие поцелуи на моих ключицах, медленно спускаясь ниже. Его руки — сильные, властные — обхватили мои бедра. Я выгнулась, когда он одним движением расправился с застежкой бюстгаль-

тера, освобождая грудь. Его горячий рот накрыл набухшее от возбуждения тело, жестко втягивая его, дразня языком и слегка прикусывая зубами. Из моего горла вырвался протяжный, бесстыдный стон. Я запустила руки в его волосы, прижимая его к себе еще сильнее, умоляя не останавливаться. Страсть накрыла нас с головой, стирая все мысли о статусах, правилах и угрозах. Он стянул с меня кружевные трусики, отбрасывая их куда-то в сторону. Его пальцы скользнули по внутренней стороне моих бедер, заставляя меня дрожать от предвкушения. Когда он коснулся моей влаги, я вскрикнула, подаваясь ему навстречу. Он знал мое тело лучше, чем я сама. Два пальца уверенно вошли в меня, задавая медленный, мучительно тягучий ритм, в то время как большой палец безжалостно терзал чувствительный бугорок. Я заметалась по дивану, сходя с ума от этого давления, от жара его тела нависающего надо мной, от звука его тяжелого дыхания.

— Пожалуйста, Дима... пожалуйста, — умоляла я, не узнавая собственный сорванный голос. Я хотела почувствовать его всего, без остатка.

Он поднялся, избавляясь от остатков одежды с грацией хищника. В свете камина его тело казалось отлитым из бронзы — широкие плечи, рельефные мышцы пресса, узкие бедра. И шрам. Длинный, рваный шрам на левом боку, тянущийся к ребрам. Напоминание о том самом «темном прошлом», о котором он говорил. Он раздвинул мои колени шире, устраиваясь между ними. Я видела, как напряжены его

мышцы, как вздулись вены на предплечьях, когда он уперся руками по обе стороны от моей головы.

— Смотри на меня, Аня, — приказал он властным, вибрирующим шепотом. — Смотри мне в глаза.

Я распахнула ресницы, встречаясь с его потемневшим, диким взглядом, и в этот момент он вошел. Медленно, заполняя меня до краев, раздвигая стенки моего естества с неотвратимой силой. Я захлебнулась воздухом, впиваясь ногтями в его спину. Это было болезненно сладко, это было слишком много, слишком глубоко. Мы стали единым целым. Он замер, давая мне привыкнуть, шумно втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. По его лбу катились капли пота.

— Моя, — выдохнул он прямо мне в губы, и начал двигаться.

Сначала медленно, тягуче, почти мучительно, заставляя меня сходить с ума от каждого дюйма его скольжения. Но с каждым толчком ритм нарастал. Он вбивался в меня с первобытной яростью, жестко, бескомпромиссно, словно пытался заклеймить меня, впечатать в мое сознание, что я принадлежу только ему. Я отвечала ему с такой же дикостью, выгибаясь навстречу каждому удару, обхватив ногами его талию. Комната наполнилась звуками шлепков кожи о кожу, сбитым дыханием и нашими стонами.

Волна приближающегося удовольствия накрыла меня внезапно. Она была такой мощной, что перед глазами вспыхнули белые искры.

— Дима! — я сорвалась на крик, чувствуя, как внутри все сжимается спазмами, обрушиваясь в звенящую, ослепительную пустоту. Мое тело задрожало в судорогах наслаждения.

Он зарычал, как раненый зверь, делая последние, самые глубокие толчки, и излился, содрогаясь всем своим крупным, сильным телом. Обессиленный, он рухнул на меня, пряча лицо в изгибе моей шеи. Его бешено колотящееся сердце билось прямо о мою грудь. Мы лежали так, казалось, вечность, приходя в себя, опутанные запахом секса, древесины и нашего пота. Я лениво перебирала жесткие пряди его волос, чувствуя себя абсолютно, бесконечно счастливой. За окном шумели сосны, огонь в камине успокаивающе потрескивал. Иллюзия безопасности была идеальной.

До тех пор, пока тишину не разорвал резкий, вибрирующий звук. Телефон Дмитрия, лежавший в кармане сброшенного пальто, настойчиво зажужжал. Я почувствовала, как тело мужчины, расслабленное секунду назад, мгновенно окаменело. Вся нежность, вся мягкость испарились в одно мгновение. Он резко отстранился, поднялся с дивана, даже не заботясь о своей наготе, и быстрым шагом подошел к креслу.

Я приподнялась на локтях, натягивая на грудь сползший халат. По позвоночнику поползла холодная змейка тревоги. Дмитрий достал аппарат. Я видела профиль его лица в тусклом свете камина — оно превратилось в гранитную маску. Экран телефона осветил его резкие черты холодным голубоватым светом. Он не стал отвечать. Просто смотрел на экран

секунду, две, три. А затем с силой сжал челюсти так, что скрипнули зубы, и нажал кнопку сброса.

— Кто это? — тихо спросила я, садясь на диване. — Работа?

Он вздрогнул, словно забыл, что я нахожусь в комнате. Обернулся. В его глазах была какая-то затравленная, темная злоба, которую он отчаянно пытался скрыть.

— Ничего важного, — сухо ответил он. — Спам.

Спам. Посреди ночи. На его личный, засекреченный номер, который знали от силы десять человек в мире. Он отложил телефон на столик экраном вниз, но аппарат снова ожил, издав короткий звук входящего сообщения. Дмитрий дернулся к нему, как от удара током, схватил и быстро прочитал текст. То, что он там увидел, заставило его побелеть. Он выключил телефон, бросил его на стол и, пройдя к окну, резко задернул тяжелые плотные шторы, отсекая нас от вида на ночной лес. Его движения были резкими, параноидальными. Он проверил замок на входной двери, затем подошел к бару и, не одеваясь, налил себе полный стакан виски. Выпил залпом, не поморщившись.

— Дима, что происходит? — я подошла к нему сзади, осторожно положив руку на его напряженную, покрытую легкой испариной спину. Мышцы под моими пальцами были твердыми как камень. — Скажи мне правду. Кого ты боишься?

Он обернулся. Взгляд, которым он окинул меня, был по-

лон такой отчаянной, больной вины, что мне стало страшно.

— Я никого не боюсь, Аня, — его голос звучал глухо, как из-под земли. Он взял мое лицо обеими руками, обжигая холодом своих пальцев, пахнущих алкоголем. — Но я хочу, чтобы ты запомнила. Что бы ни случилось, что бы ты ни услышала или ни увидела... Ты должна доверять только мне. Поняла? Только мне.

Он говорил это с таким отчаянием, словно прощался со мной.

— Я доверяю тебе, — прошептала я, но внутри меня уже расцветал ядовитый цветок сомнения.

Он снова притянул меня к себе, пряча лицо в моих волосах. Но это объятие больше не дарило покоя. Я обнимала его сильную спину, смотрела поверх его плеча на лежащий экраном вниз выключенный телефон и понимала: в нашем идеальном, изолированном от всего мира убежище мы больше не одни. Его тайны, его страхи и его статус — все это было лишь верхушкой айсберга. А внизу, под темной водой, скрывалось нечто страшное, нечто, что уже начало разрушать наш хрупкий мир изнутри. И это невысказанное правило — скрывать наши отношения — было продиктовано вовсе не заботой о репутации. Это был инстинкт самосохранения зверя, почуявшего охотника.

Я только одного не могла понять: кто был целью в этой охоте — он... или я?

Угроза в конверте

Понедельник обрушился на нас ледяным душем корпоративной реальности. После выходных в лесном шале, где мы существовали в вакууме безумной страсти и звенящей тишины, возвращение в стеклянную башню «Громов Холдинг» ощущалось как падение с большой высоты. Дмитрий снова надел броню жестокого, циничного генерального директора, а я привычно натянула маску идеальной, безликой ассистентки. Мы даже не здоровались наедине — лишь сухие кивки в коридорах. Но невысказанное правило теперь висело в воздухе дамокловым мечом. Каждое наше взаимодействие было пропитано скрытым напряжением. Когда я подавала ему кофе, я физически ощущала, как его взгляд скользит по моим рукам. Когда он диктовал письмо, я слышала в его сухом тоне те самые хриплые нотки, которыми он стонал мое имя двумя ночами ранее.

Эта двойная жизнь изматывала. Она была похожа на хождение по тонкому льду над темным, бездонным океаном. Ближе к обеду в четверг график полетел к чертям. Приехал глава службы безопасности холдинга, мрачный немногословный тип с военной выправкой, и Дмитрий заперся с ним в переговорной. Мне было поручено подготовить сводную таблицу по тендеру, файлы для которой хранились на личном зашифрованном ноутбуке Громова.

— Пароль вы знаете, Анна Сергеевна. Сделайте выгрузку и ждите меня в кабинете, — бросил он, даже не обернувшись, скрываясь за тяжелой дверью переговорной.

Я вошла в его святая святых — просторный кабинет на пятьдесят восьмом этаже. Запах его парфюма — бергамот и терпкое дерево — здесь въелся в кожаную обивку кресел и тяжелые портьеры. Я села за его массивный стол из темного дуба, чувствуя себя так, словно вторглась на чужую, запретную территорию.

Открыв тонкий серебристый макбук, я ввела сложный цифровой пароль. Экран моргнул и ожил. Я быстро нашла нужную папку и запустила процесс копирования файлов на защищенную флешку. Полоса загрузки медленно ползла вправо. Восемьдесят процентов. Девяносто... В этот момент в правом верхнем углу экрана всплыло черное окно уведомления. Оно обошло все корпоративные спам-фильтры и брандмауэры, пробившись напрямую в закрытый почтовый клиент Дмитрия. Я не собиралась читать чужие письма. Это было табу, вбитое в меня годами работы. Но тема сообщения была написана заглавными буквами и била по глазам, словно вспышка стробоскопа:

«ДУМАЕШЬ, СМОЖЕШЬ ЕЕ СПРЯТАТЬ?»

Моя рука с мышкой замерла. Сердце сделало болезненный кувырок и ухнуло куда-то в желудок. Я физически не могла отвести взгляд от первых строчек текста, которые отображались в превью:

«Ты жалкий трус, Дима. Играешь в любовь с очередной подстилкой? Я убью любую, кто будет рядом с тобой. Ни одна дрянь не займет мое место. Ты знаешь, на что я способна. Я сотру ее в порошок, а ты будешь смотреть...»

Отправитель значился просто: Карина Тополева.

Карина. Кто такая Карина?

В голове мгновенно всплыл тот ночной звонок после презентации. Лицо Дмитрия, побелевшее от ярости. Его слова в шале: «Мое прошлое не такое чистое. Люди, которые не прощают успехов». Он говорил о бизнесе. О конкурентах. Но это... это не было похоже на угрозу конкурента. В этих строках сочилась чистая, концентрированная женская ненависть, маниакальная ревность и безумие.

«Я убью любую, кто будет рядом с тобой».

Холодный пот выступил у меня на спине. Дыхание перехватило. Кто эта женщина? Бывшая жена, о которой он говорил с таким презрением? Но он сказал, что она ушла сама, испугавшись трудностей. А эта... эта готова была убивать. И кого она имела в виду? Меня? Узнала ли она о наших тайных встречах? Или Дмитрий скрывал кого-то еще?

Паника липкими щупальцами начала сжимать мое горло. Я потянулась к тачпаду, чтобы открыть письмо целиком, чтобы понять масштабы этой катастрофы, но не успела. Дверь кабинета резко распахнулась. Дмитрий вошел стремительным шагом, на ходу расстегивая пиджак. Его глаза мгновенно метнулись к столу, ко мне, а затем — к экрану ноутбука.

Я никогда в жизни не видела, чтобы человек так быстро менялся в лице. И без того жесткие черты исказились, превратившись в маску первобытной ярости. В его глазах полыхнул такой темный, безумный гнев, что я инстинктивно вжалась в спинку кресла.

— Что ты делаешь?! — его голос разорвал тишину кабинета, как пушечный выстрел. Это был не крик — это был рев зверя, у которого пытаются отнять добычу.

Он оказался рядом со столом в два гигантских шага. Его рука, напряженная до предела, с силой обрушилась на крышку ноутбука. Раздался резкий пластиковый треск — он захлопнул экран с такой яростью, что чудом не разбил матрицу. Я вздрогнула, выронив флешку из ослабевших пальцев. Она со звоном покатилась по гладкому дереву столешницы.

— Дмитрий Алексеевич... я... я просто копировала файлы, как вы просили, — мой голос предательски дрогнул. Я попыталась встать, но он навис надо мной, опираясь обеими руками о подлокотники моего кресла, запирая меня в ловушку.

— Ты читала мою почту, Ветрова? — процедил он сквозь зубы. От его лица до моего было не больше десяти сантиметров. От него исходила волна такой агрессии, что мне стало по-настоящему страшно.

— Сообщение всплыло поверх всех окон! — моя гордость наконец прорвалась сквозь страх. Я вскинула подбородок, глядя прямо в его бушующие глаза. — Я не искала в твоих

грязных тайнах, Дмитрий. Оно само появилось на экране! Кто такая Карина? Кого она собирается убить?!

Его желваки заходили ходуном. Взгляд стал ледяным, колючим, непроницаемым. Вся та нежность, та страсть, что связывала нас еще пару дней назад, испарилась, словно ее никогда не было. Передо мной стоял чужой, безжалостный человек.

— Тебя это не касается, — отрезал он металлическим тоном. — Запомни раз и навсегда: ты здесь — моя ассистентка. Ты выполняешь приказы, организуешь мой график и не суешь свой нос в дела, которые находятся за пределами твоей компетенции. Никогда. Не. Прикасайся. К. Моим. Личным. Вещам.

Каждое слово било наотмашь, как пощечина. «Ты здесь — моя ассистентка».

Внутри меня что-то оборвалось. Стеклянная иллюзия того, что я для него нечто большее, чем просто удобное тело в перерывах между совещаниями, разлетелась вдребезги. Он не доверял мне. Он защищал свои секреты от меня с той же жестокостью, с какой защищал бы свой бизнес от рейдеров.

— Я поняла вас, Дмитрий Алексеевич, — мой голос стал тихим, лишенным эмоций. Я аккуратно, но твердо оттолкнула его руки от подлокотников и встала. Мне пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы не отвести взгляд и не расплакаться. — Файлы скопированы. Флешка на столе. Если я вам больше не нужна, я вернусь к своим прямым... ком-

петенциям.

Я развернулась и пошла к двери. Спина была идеально прямой, шаг — твердым. Я не позволю ему увидеть, как сильно он меня ударил по самооценке.

— Аня... — его голос прозвучал вслед глухо, с ноткой зарождающегося раскаяния, но я не обернулась. Дверь кабинета закрылась за мной с тихим, вежливым щелчком.

Остаток дня прошел как в плотном, сером тумане. Я механически отвечала на звонки, рассылала приглашения на совет директоров, пила кофе литрами, чтобы унять дрожь в руках. Строчки из письма — «Я убью любую, кто будет рядом с тобой» — пульсировали в висках.

Я ушла с работы ровно в девятнадцать ноль-ноль, не задержавшись ни на минуту. Оставив рабочий телефон на столе в приемной, я спустилась на парковку, села в свой старенький седан и поехала домой. Мне хотелось смыть с себя этот день, этот офис, запах его парфюма, который, казалось, въелся в кожу.

Моя квартира на окраине встретила меня темнотой и прохладой. Я скинула туфли прямо в прихожей, прошла в ванную и включила ледяную воду, плеснув себе в лицо. В зеркале на меня смотрела бледная, уставшая женщина с тенями под глазами.

«Идеальная ассистентка», — горько усмехнулась я своему отражению.

Около десяти вечера в дверь позвонили.

Я вздрогнула. Я никого не ждала. Илья, мой новый коллега из отдела аналитики, с которым мы иногда пили кофе, обещал занести книгу, но это было маловероятно в такое время. Я подошла к глазку. На лестничной клетке стоял Дмитрий. Он был без галстука, в расстегнутом пальто. Лицо осунувшееся, под глазами залегли глубокие тени. Он выглядел так, словно прошел пешком через весь город под дождем, хотя я знала, что его внедорожник с охраной припаркован у моего подъезда.

Я не хотела открывать. Моя гордость кричала, что я должна оставить его там, за дверью, чтобы он понял, что со мной нельзя обращаться как с прислугой. Но мое сердце — глупое, предавшее меня сердце — забилось быстрее. Я провернула ключ в замке.

Дверь распахнулась. Мы молча смотрели друг на друга несколько долгих секунд.

— Можно? — тихо спросил он. В его голосе не было начальственных ноток. Только смертельная усталость.

Я молча отступила в сторону, пропуская его. Он вошел в мою маленькую прихожую, которая мгновенно стала тесной от его внушительной фигуры. Он не стал снимать пальто. Просто стоял и смотрел на меня, словно пытался прочитать мои мысли.

— Я пришел извиниться, — наконец произнес он. — Я повел себя как ублюдок.

— Вы повели себя как босс, Дмитрий Алексеевич. Вы

очень четко обозначили мое место, — сухо ответила я, скрестив руки на груди. Я была одета в простые домашние штаны и безразмерную футболку, но перед его пристальным взглядом чувствовала себя обнаженной.

Он поморщился, словно от физической боли.

— Не называй меня так. Только не сейчас. Аня... — он сделал шаг ко мне, но я инстинктивно отступила назад. Этот жест заставил его остановиться. — Прости меня. Я испугался. Не за себя, понимаешь? Когда я увидел, что ты читаешь это... у меня сорвало тормоза.

— Кто она, Дима? — мой голос сорвался. — Кто эта женщина, которая обещает убить любую рядом с тобой? Это из-за нее мы прячемся по углам? Из-за нее ты вздрагиваешь от каждого телефонного звонка?

Дмитрий отвел взгляд. Его челюсти снова сжались.

— Это... призрак из прошлого, — медленно, тщательно подбирая слова, сказал он. — Сумасшедшая сталкерша. Она дочь моего бывшего партнера. Человека, с которым мы начинали бизнес в девяностые и который... плохо закончил. Она винит меня во всех своих бедах. Она психически нездорова, Аня. Она живет в выдуманном мире, где мы якобы должны быть вместе. Я пытался откупиться, пытался лечить ее, отправлял за границу. Но она возвращается. И она опасна.

Я слушала его, и в груди расползался холодный, вязкий страх. Это звучало как сюжет криминального триллера, но глаза Дмитрия не лгали. Он действительно боялся.

— Поэтому ты прячешь меня? — прошептала я. — Потому что она убьет меня, если узнает?

— Я никому не позволю тебя тронуть, — его голос зазвучал низко, вибрируя от сдерживаемой силы. — Моя служба безопасности контролирует каждый ее шаг. Она не приблизится к тебе. Но я сошел с ума от одной мысли, что ты можешь оказаться под ударом. Когда я накричал на тебя сегодня... я просто пытался оградить тебя от этой грязи. Я не хотел, чтобы ты даже знала о ее существовании.

Он запустил руку во внутренний карман пальто и достал плоскую бархатную коробочку глубокого синего цвета. С тихим щелчком откинул крышку. На черном шелке сверкали бриллиантовые серьги. Камни были настолько крупными и чистыми, что ловили тусклый свет лампочки в прихожей и разбивали его на сотни ослепительных искр. Это было состояние, целое состояние в маленькой коробочке.

— Что это? — я непонимающе перевела взгляд с бриллиантов на его лицо.

— Знак того, что ты значишь для меня гораздо больше, чем «ассистентка», — хрипло произнес он. — Прости меня за сегодняшнее, Аня. Пожалуйста. Позволь мне защищать тебя так, как я умею.

Я смотрела на сверкающие камни, и внутри меня боролись два противоречивых чувства. С одной стороны, это был невероятно красивый, щедрый жест мужчины, который признает свою вину. С другой... это походило на попытку отку-

питься. Заткнуть мне рот бриллиантами, чтобы я больше не задавала вопросов о Карине, о его прошлом, о той темной стороне его жизни, куда мне был закрыт доступ.

— Они слишком дорогие, Дима, — тихо сказала я. — Я не могу это принять.

— Можешь, — он шагнул ко мне вплотную, отбрасывая коробочку на тумбочку в прихожей. В его глазах вспыхнул тот самый темный, пожирающий огонь. — Ты примешь их, и ты простишь меня. Потому что я не смогу без тебя дышать.

Он не стал ждать моего ответа. Его руки жестко обхватили мое лицо, и он впился в мои губы поцелуем, который был больше похож на приказ, чем на мольбу. В этом поцелуе была вся его нерастраченная ярость, весь страх потери, вся отчаянная, болезненная собственническая потребность. Моя обида вспыхнула в последний раз, но тут же расплавилась под напором его губ. Я слабо застонала, отвечая ему, путаясь пальцами в его волосах. Мое тело предавало меня, откликаясь на его близость мгновенным, пульсирующим жаром.

Он прижал меня спиной к стене прихожей, с силой сминая мои губы. Его руки скользнули под просторную футболку, обжигая обнаженную кожу. Я вздрогнула, когда его широкие ладони сжали мою талию, а затем рывком приподняли меня, заставляя обхватить его бедра ногами.

— Дима... мы... мы поругались, — попыталась я выговорить между рваными, влажными поцелуями, задыхаясь от нехватки воздуха.

— Забудь, — прорычал он мне в шею, покрывая ее горячими, собственническими укусами. — Просто забудь обо всем. Здесь только ты и я. Никто нас не достанет.

Он понес меня в спальню, не отрываясь от моих губ ни на секунду. Мы рухнули на кровать в полной темноте. Его тяжелое, горячее тело накрыло меня, отрезая от всего мира. Он любил меня в ту ночь так, словно завтра не наступит. В его прикосновениях была грань между отчаянием и безумием. Он был жадным, неистовым, почти грубым, вырывая из меня крики наслаждения, доводя до изнеможения, заставляя забыть свое имя. Я тонула в нем, подчиняясь этой дикой, первобытной силе, цепляясь за его плечи, как за единственный спасательный круг. Каждый его толчок, каждый стон, каждое хриплое «моя» были призваны стереть воспоминания о холодном офисе и угрожающем письме. И на какое-то время у него это получилось. В его объятиях я чувствовала себя в абсолютной, непробиваемой безопасности. Но когда под утро он наконец уснул, тяжело дыша, раскинув руки на смятых простынях, я лежала без сна.

Я повернула голову. На тумбочке, в свете уличных фонарей, пробивающихся сквозь жалюзи, тускло мерцала бархатная коробочка с бриллиантами. Он надел их на меня сам, в порыве страсти, целуя мочки ушей. Их холодный вес ощущался на моей коже чужеродно. Дмитрий говорил убедительно. Он казался искренним. Но интуиция, тонкая и безжалостная, шептала мне, что история о «сумасшедшей

сталкерше» — это лишь вершина айсберга. Он снова что-то недоговаривал. Он защищал меня не только от нее. Он защищал свои секреты. Я дотронулась пальцами до холодного камня в ухе. «Я убью любую, кто будет рядом с тобой».

Карина Тополева. Кто бы она ни была, она не была просто призраком из прошлого. Она была реальной. И она была где-то рядом. С этого момента я поняла, что больше не могу позволить себе быть слепой. Если я хочу выжить в этой игре, мне придется узнать правила. Даже если Дмитрий пытался скрыть их от меня за стеклянным фасадом своего холдинга и блеском бриллиантов.

Командировка без прощания

Выходные после той ночи, когда он надел на меня бриллианты, прошли в странном, зыбком оцепенении. Мы провели их в моей крошечной квартире, словно забаррикадировавшись от всего мира. Дмитрий отключил все телефоны. Он не выпускал меня из постели, любил меня до изнеможения, до сорванного голоса и дрожащих коленей. В эти часы между нами не было тайн, не было теней прошлого, не было Карины. Был только жар наших тел, сбитое дыхание и отчаянная, почти пугающая нежность, с которой он прижимал меня к себе во сне.

Но наступил понедельник.

Утро началось с того, что я проснулась от холода. Вторая половина кровати была пуста. Дмитрия не было. На подушке лежал лишь слабый, дразнящий аромат его парфюма, а на кухне остывал нетронутый кофе. Он ушел, не разбудив меня, не оставив записки. Когда я приехала в офис «Громов Холдинг», меня встретила идеальная, бездушная машина корпоративной рутины. Я заняла свое место в приемной, ожидая, что он вызовет меня, что хотя бы взглядом покажет — мы всё еще те же, что и вчера ночью. Но когда он прошел мимо моего стола в сопровождении двух вице-президентов, он даже не повернул головы. Его профиль был высечен из камня. Лицо — непроницаемая маска.

— Анна Сергеевна, через десять минут зайдите ко мне, — бросил он на ходу ледяным, чужим тоном, от которого у меня перехватило дыхание.

Я вошла в его кабинет ровно через десять минут. Он сидел за своим массивным столом, просматривая какие-то графики на планшете. Свет из панорамных окон падал на его лицо, подчеркивая резкие тени на скулах. Он выглядел уставшим. Нет, он выглядел вымотанным до предела.

— Присаживайтесь, — он указал на стул для посетителей, не поднимая на меня глаз.

Я села, чувствуя, как по спине ползет липкий холодок предчувствия. Вся эта официальность была наигранной, чрезмерной. Дмитрий отложил планшет, взял со стола плотную пластиковую папку и толкнул ее по полированному дереву ко мне.

— Что это? — тихо спросила я, не спеша прикасаться к пластику.

— Билеты. Бронь гостиницы. Документы по аудиту нашего северо-западного филиала, — его голос звучал ровно, как у робота. — Вы вылетаете в Санкт-Петербург сегодня вечером. Рейс в девятнадцать тридцать из Шереметьево. Машина будет ждать вас внизу в шестнадцать ноль-ноль.

Я уставилась на него, не веря своим ушам.

— В Петербург? — мой голос дрогнул, выдавая растерянность. — Но аудит филиала запланирован только на следующий квартал. И его должен проводить финансовый отдел, а

не личный ассистент генерального директора.

— Планы изменились, — сухо отрезал он, наконец подняв на меня взгляд. Его глаза были темными, закрытыми на все замки. В них не было ни капли тепла. — Там серьезные проблемы с интеграцией нового софта. Мне нужен человек, которому я доверяю, чтобы оценить масштаб катастрофы на месте. Вы пробудете там неделю. Возможно, десять дней.

Неделю. Десять дней. В другом городе. Вдали от него. Вдали от всего этого.

Я медленно пододвинула папку к себе. Мои пальцы слегка дрожали. Я посмотрела в его глаза, пытаясь найти там хоть проблеск того мужчины, который прошлой ночью целовал каждый сантиметр моего тела.

— Ты отсылаешь меня, — это был не вопрос. Это была констатация факта. Я перешла на «ты», нарушив наше негласное правило корпоративной этики, потому что сейчас мне было плевать на правила.

Желваки на скулах Дмитрия напряглись. Он бросил быстрый взгляд на стеклянные двери кабинета, словно проверяя, не слышит ли нас кто-то, а затем подался вперед, опираясь локтями на стол.

— Так будет лучше, Аня, — его голос упал до хриплого, напряженного шепота. В нем прорвалась та самая отчаянная нотка, которую я слышала в его голосе, когда он говорил о Карине. — Тебе нужно исчезнуть из Москвы на какое-то время. Пока я не улажу... некоторые вопросы.

— Вопросы с ней? С Кариной? — я почувствовала, как внутри закипает горечь. — Ты говорил, что служба безопасности всё контролирует. Ты говорил, что никому не позволишь ко мне приблизиться! А теперь ты просто прячешь меня, как сломанную игрушку, подальше от своих проблем?

— Я тебя защищаю! — рыкнул он, ударив ладонью по столу так, что подпрыгнула хрустальная пепельница. В его глазах вспыхнул тот самый темный огонь. — Ты не понимаешь, с кем мы имеем дело! Она не просто сумасшедшая, у нее есть ресурсы. У нее есть люди. И она начала задавать вопросы. Моя служба безопасности перехватила информацию — она ищет женщину из моего окружения. Ту самую, из-за которой я якобы...

Он осекся, тяжело дыша.

— Из-за которой ты что? — требовательно спросила я, подаваясь вперед.

— Неважно, — он откинулся в кресле, снова натягивая на лицо маску холодной отчужденности. — Важно то, что ты должна уехать. Немедленно. В Питере ты будешь под круглосуточной охраной моих людей. Они встретят тебя в аэропорту. Ты будешь заниматься работой, жить в лучшем отеле и не высовываться. Это приказ генерального директора, Анна Сергеевна. Обсуждению не подлежит.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри всё сжимается от боли и обиды. Он снова возвел между нами стену. Он снова решал всё за меня, не давая мне права выбора, не считая

нужным посвящать меня в детали. Бриллианты в моих ушах, которые я не сняла с выходных, вдруг показались невероятно тяжелыми, словно это были не украшения, а кандалы.

— Как скажете, Дмитрий Алексеевич, — процедила я, вставая и забирая папку. Мой голос был таким же мертвым, как и его. — Я соберу вещи.

Я развернулась и пошла к двери. Я ждала, что он остановит меня. Что он окликнет меня по имени, что он подойдет, обнимет, скажет, что всё будет хорошо. Что эта разлука — лишь временная мера. Но за моей спиной царила мертвая тишина. Он позволил мне уйти без прощания.

Санкт-Петербург встретил меня пронизывающим ветром с Невы и свинцовым, низким небом, которое грозило вот-вот разразиться холодным ливнем. Город казался серым, чужим и бесконечно одиноким. Дмитрий не лгал насчет охраны. В Пулково меня встретили двое крепких мужчин в неприметных серых костюмах. Один из них молча забрал мой чемодан, второй проводил до черного тонированного седана. Они не задавали вопросов, я тоже. Меня поселили в роскошном люксе на верхнем этаже отеля с видом на Исаакиевский собор. Номер был огромным, обставленным антикварной мебелью, с кроватью королевских размеров, в которой я чувствовала себя потерянной песчинкой.

Дни слились в бесконечную, выматывающую рутину. Я приезжала в филиал к восьми утра и зарывалась в документацию, отчеты, аудит серверов и протоколы безопасности. Я

работала на износ, загружая свой мозг цифрами и графиками, чтобы не оставлять там места для мыслей о Дмитрии. Местные сотрудники смотрели на меня со смесью уважения и страха — «цепной пес Громова из Москвы», так они меня называли за глаза. Я не разубеждала их. Быть стервой оказалось отличной броней.

Но когда наступал вечер и я возвращалась в свой стерильный, холодный люкс, броня давала трещину. Телефонные звонки от Дмитрия были редкими и короткими. Он звонил поздно ночью. Его голос звучал глухо, устало. Мы говорили как два чужих человека.

— Как прошел аудит серверов? — спрашивал он.

— Нашли уязвимость в протоколе шифрования третьего уровня. Отдел разработки уже латает дыру, — отвечала я, глядя в темное окно.

— Хорошо. Из отеля не выходила?

— Только до машины.

— Умница. Спокойной ночи, Анна.

— Спокойной ночи, Дмитрий Алексеевич.

Гудки.

Никаких «скучаю». Никаких «жду». Никаких объяснений, что происходит там, в Москве.

На третью ночь этого добровольного изгнания я сорвалась. Я лежала в огромной кровати, завернувшись в шелковые простыни, и дрожала, несмотря на включенное отопление. Мое тело изнывало по нему. Память безжалостно под-

кидывала картинки наших последних выходных. Я помнила жар его дыхания на своей шее. Помнила, как его жесткие, сильные пальцы сжимали мои бедра, оставляя легкие синяки. Помнила его сдавленные стоны, когда он входил в меня, глубоко, до самой сути, заполняя собой всю мою пустоту. Я закрыла глаза, задыхаясь от нахлынувшего возбуждения и отчаяния. Моя рука скользнула под шелк ночной сорочки, спускаясь к животу, туда, где всё пульсировало и горело от невыносимого желания. Я коснулась себя, представляя, что это его рука. Что это он сейчас нависает надо мной в темноте, что это его губы обжигают мою кожу. Я выгнулась, издав тихий, прерывистый стон в тишину пустой комнаты. Мои пальцы двигались в такт биению сердца, всё быстрее, пытаясь вызвать спасительную разрядку, которая принесла бы хоть на мгновение забвение. Но когда порыв удовольствия накрыл меня, он не принес облегчения. Только жгучие, злые слезы.

Я плакала, уткнувшись лицом в подушку. Плакала от унижения. От того, что была заперта в этой золотой клетке, вдали от мужчины, которого — я теперь это понимала с ужасающей ясностью — любила. От того, что он не доверял мне достаточно, чтобы позволить стоять рядом с ним в этой битве.

На следующее утро, вместо того чтобы поехать в офис филиала, я осталась в номере. Я включила свой личный ноутбук, который всегда возила с собой. Если Дмитрий не хочет рассказывать мне правду, я найду ее сама. Я открыла поисковик. Мои пальцы на секунду замерли над клавиатурой, а

затем быстро вбили имя: Карина Тополева.

Интернет был скуп на информацию. Никаких профилей в соцсетях, никаких свежих новостей. Но я, будучи первоклассным аналитиком, умела искать там, где другие сдаются. Я залезла в архивы старых новостных порталов десятилетней давности.

Через час я нашла то, что искала.

Статья в бульварной криминальной хронике за 2016 год. Заголовок кричал: «Трагическая гибель бизнесмена Бориса Тополева: несчастный случай или передел рынка?»

Я вчитывалась в сухие строчки, и картина постепенно прояснялась. Тополев был партнером Дмитрия Громова. Они вместе начинали в суровые девяностые, поднимали бизнес, балансируя на грани закона. Но потом их пути разошлись. Тополев увяз в темных схемах, в то время как Громов пытался вывести компанию в белое русло, в сферу высоких технологий. Произошел конфликт интересов. А через месяц после их громкой ссоры машина Тополева взорвалась на загородном шоссе.

Полиция списала всё на криминальные разборки с конкурентами. Но в статье мелькнула одна деталь: все акции Тополева, по хитроумно составленному договору, в случае его смерти переходили его партнеру — Громову. Дочь Тополева, двадцатилетняя студентка Карина, осталась ни с чем.

Я нашла единственную фотографию Карины того времени — с похорон отца. Красивое, искаженное ненавистью ли-

цо, черные волосы, безумный взгляд, устремленный прямо в объектив камеры. Эта девушка не выглядела сломленной. Она выглядела как человек, готовый мстить до последнего вздоха.

Я захлопнула крышку ноутбука. Сердце колотилось в горле. Дмитрий не врал. Карина действительно была опасна. У нее был мотив. У нее была параноидальная вера в то, что именно Громов убил её отца и забрал ее жизнь. И теперь она охотилась за ним. А я... я стала идеальной мишенью. Слабым звеном, через которое можно было причинить ему максимальную боль.

Но чем больше я думала об этом, тем сильнее во мне крепло возмущение. Я не была куклой, которую можно спрятать в коробку, когда становится опасно. Если я стала частью его жизни, значит, я должна разделить с ним и его риски. Я не позволю ему нести этот крест в одиночку. И уж тем более я не позволю какой-то сумасшедшей сталкерше диктовать мне, как жить и кого любить. Я посмотрела на календарь. Был вечер четверга. Аудит был практически завершен, оставались лишь формальности, которые могли доделать мои заместители.

Я приняла решение мгновенно. Я достала телефон и открыла приложение для бронирования авиабилетов. Рейс Санкт-Петербург — Москва. Вылет в 23:45. Бизнес-класс. Одно место.

Я не стала предупреждать ни охрану, дежурившую в хол-

ле отеля, ни Дмитрия. Я спустилась по пожарной лестнице на паркинг, вызвала такси через неприметное приложение и уехала в аэропорт, оставив в номере нетронутый ужин. Я действовала на адреналине. Во мне бурлила смесь страха, возбуждения и яростной решимости. Я собиралась вернуться на день раньше. Я собиралась сделать ему сюрприз. Сказать ему в лицо, что знаю всё, и что я не сбегу.

Перелет прошел как в тумане. Я смотрела в иллюминатор на черное небо, и в моей голове прокручивались сценарии нашей встречи. Как он удивится. Как сначала разозлится, а потом прижмет меня к себе, поняв, что я не боюсь. Что я выбираю его, со всеми его тенями и угрозами.

Москва встретила меня таким же холодным дождем, как и Питер. Я поймала такси у терминала и назвала адрес «Громов Холдинга». Было два часа ночи, но я знала Дмитрия. В периоды кризисов он не спал. Он ночевал в своем кабинете, превращая его в штаб по решению проблем. Огромный небоскреб из стекла и бетона возвышался над ночным городом, как монолит. В окнах верхних этажей горел свет. Я расплатилась с таксистом и, ежась от пронизывающего ветра, побежала к центральному входу.

Охранник в лобби, узнав меня, удивленно моргнул.

— Анна Сергеевна? Вы же в командировке...

— Рейс перенесли, Виктор, — не моргнув глазом солгала я, прикладывая пропуск к турникету.

— Дмитрий Алексеевич у себя?

— Да, не выходил. Но он просил никого не пускать...

— Я не «никто». Я его ассистент, — отрезала я и направилась к лифтам для топ-менеджмента.

Кабина бесшумно понеслась вверх, закладывая уши. Пятьдесят первый этаж, пятьдесят пятый... Пятьдесят восьмой.

Двери открылись с тихим мелодичным звоном. Этаж был погружен в полумрак. Свет горел только в приемной и дежурным освещением — в коридорах. Стояла гробовая тишина, от которой почему-то заложило уши. Мои шаги по толстому ковролину были совершенно беззвучными. Я шла к тяжелым двустворчатым дверям его кабинета, чувствуя, как сердце вырывается из груди. В руках я сжимала ручку своего чемодана так, что побелели костяшки. Волнение накатывало волнами. Я уже предвкушала его запах, его руки, его низкий голос. Я так соскучилась, что эта потребность увидеть его была почти физической болью.

Двери кабинета были приоткрыты на узкую щель. Внутри горел приглушенный свет настольной лампы.

Я подошла вплотную, собираясь толкнуть створку и произнести его имя, но моя рука так и замерла в воздухе. Звук, донесшийся изнутри, заставил кровь застыть в моих жилах. Это был женский смех. Низкий, грудной, бархатистый смех, от которого веяло непозволительной интимностью.

Я затаила дыхание. Сердце остановилось, а затем забилось с такой бешеной скоростью, что мне показалось, оно про-

бьет ребра. Медленно, боясь издать малейший звук, я приблизилась к щели и заглянула в кабинет. Сцена, развернувшаяся передо мной, была похожа на стоп-кадр из жестокого, циничного кино. Дмитрий был там. Он сидел на краю своего огромного дубового стола, небрежно откинувшись назад, опираясь на руки. Его пиджак был сброшен на спинку кресла, рубашка расстегнута. Он выглядел расслабленным. А прямо перед ним, стоя между его раздвинутых ног, находилась женщина. Я узнала ее сразу. Елена Соболева. Известная актриса, лицо нескольких глянцевых обложек, женщина невероятной, холодной красоты. Она была одета в потрясающее вечернее платье глубокого изумрудного цвета, которое облегало ее идеальную фигуру как вторая кожа.

Ее руки — тонкие, изящные, с идеальным маникюром — лежали на плечах Дмитрия. Она склонилась к нему так близко, что их лица почти соприкасались. Она что-то тихо шептала ему, глядя прямо в глаза с игривой, собственнической улыбкой. А он... он не отстранялся. Он смотрел на нее своим темным, пронизывающим взглядом, на его губах играла легкая полуулыбка. Та самая, от которой у меня подкашивались ноги.

Мир вокруг меня пошатнулся. Воздух в легких превратился в битое стекло.

— Дима, ты слишком напряжен, — проворковала Елена. Ее пальцы скользнули от его плеч вниз, по груди, расстегивая еще одну пуговицу на его рубашке. — Я же говорила те-

бе, предоставь всё мне. Я умею решать проблемы. И умею расслаблять.

Дмитрий издал тихий смешок, перехватывая ее запястье. Но он не оттолкнул ее. Он поднес ее руку к своим губам. Я не могла дышать. Я не могла отвести взгляд. Я была парализована болью такой невероятной, разрушительной силы, что мне захотелось кричать.

«Я тебя защищаю», — звучал в голове его голос. «Ты должна уехать».

Он отослал меня. Отослал в другой город, запер под охраной, чтобы очистить поле. Но не от врагов. А от меня. Чтобы беспрепятственно проводить ночи здесь, в этом самом кабинете, где он брал меня на этом самом столе, с другой женщиной. С роскошной, знаменитой, подходящей ему по статусу женщиной.

Вся моя решимость, всё мое желание быть рядом с ним и бороться за него рассыпались в прах, превратившись в грязный, унизительный пепел. Иллюзия была разрушена окончательно. И на этот раз — навсегда.

Стеклянный занавес

Время остановилось. Секунды растянулись в густую, липкую вечность, в которой я была заперта, не в силах ни пошевелиться, ни сделать вдох. Я стояла у приоткрытой двери кабинета, слившись с тенями коридора, и смотрела, как разрушается мой мир. Иллюзия, в которую я так отчаянно и слепо поверила, трещала по швам с оглушительным, невыносимым хрустом. Через щель между тяжелыми створками я видела их с пугающей, кинематографической четкостью. Тусклый свет настольной лампы выхватывал из полумрака идеальный профиль Елены Соболевой, блеск ее изумрудного платья и широкие, напряженные плечи Дмитрия.

Елена скользнула ладонями по его груди, ее длинные ногти с идеальным маникюром дразняще прошлись по обнаженной коже в вырезе расстегнутой рубашки. Она двигалась с грацией породистой кошки, уверенная в своей неотразимости, уверенная в своем праве прикасаться к нему.

Я ждала. Мое глупое, преданное сердце, истекая кровью, все еще ждало, что он отстранится. Что он перехватит ее руки не для того, чтобы поднести к губам, а чтобы убрать. Что он скажет ей ту самую фразу, которую так часто говорил мне: «Соблюдайте дистанцию». Я ждала, что в его глазах вспыхнет гнев.

Но гнева не было.

Елена плавно, по-хозяйски оперлась руками о край его огромного стола из темного дуба — того самого стола, на котором еще несколько дней назад он сходил по мне с ума, срывая с меня одежду, — и одним легким, изящным движением запрыгнула на столешницу. Изумрудный шелк платья задрался, обнажая длинные, безупречные ноги в тонких чулках. Она раздвинула колени, позволяя Дмитрию оказаться прямо между ее бедер.

Точно так же, как я стояла между его ног в ночь нашего первого поцелуя. От этого дежавю меня затошнило. Воздух в коридоре внезапно стал разреженным, будто я оказалась на вершине Эвереста, и каждое движение давалось с невыносимой болью.

— Ты слишком много работаешь, Дима, — мурлыкала Елена, наклоняясь к нему. Ее роскошные темные волосы водопадом упали на его плечи. — Тебе нужно отвлечься. Забыть обо всех этих скучных отчетах, сделках... и о тех серых мышках, которые путаются у тебя под ногами.

Она говорила это с такой снисходительной, брезгливой усмешкой, что я почти физически ощутила удар наотмашь. «Серые мышки». Это она обо мне? Он рассказывал ей обо мне? Обсуждал свою наивную, влюбленную ассистентку, которую так удобно использовать в перерывах между совещаниями и которую так легко отослать в другой город, когда на горизонте появляется настоящая, статусная женщина?

Дмитрий не ответил ей словами. Он поднял руки, те са-

мые сильные, горячие руки, которые оставили невидимые ожоги на моем теле, и положил их на обнаженные бедра Елены. Его большие пальцы медленно, собственнически погладили ее кожу чуть выше края чулок.

— Заставь меня забыть, Лена, — его голос прозвучал низко, хрипло. С той самой порочной интонацией, от которой у меня когда-то слабели колени.

Она рассмеялась, запрокинув голову, а затем резко подалась вперед, обхватила его лицо обеими руками и впилась в его губы поцелуем. В этот момент стеклянный занавес рухнул. Я видела, как он отвечает на ее поцелуй. Как его пальцы сжимают ее бедра, притягивая ближе к себе. Как их языки сплетаются в жадном, откровенном танце. В этом не было ни сопротивления, ни принуждения. Это была страсть двух людей, которые прекрасно знают тела друг друга. Меня словно окатили кипятком, а затем мгновенно бросили в прорубь. Кровь зашумела в ушах монотонным, глухим гулом. Перед глазами поплыли черные круги. Вся моя боль, весь мой страх за него, вся моя отчаянная решимость вернуться и стать его опорой — всё это превратилось в жалкую, грязную шутку.

«Я тебя защищаю», — вспомнила я его слова.

Как же я была слепа. Как невероятно, непростительно глупа! Он не защищал меня от мифической Карины Тополевой. Он расчищал себе площадку. Я была просто удобным, временным развлечением. Трофеем, который приятно было завоевать, сломав мою профессиональную броню. А когда иг-

ра наскучила и запахло настоящими проблемами, он просто убрал меня в ящик стола. Отправил в Питер, как ненужную вещь, чтобы освободить место для Елены.

Пальцы на моих руках разжались сами собой. Тяжелая кожаная папка с конфиденциальными результатами аудита, которую я привезла из Петербурга как идеальный предлог для своего внезапного возвращения, выскользнула из моих ослабевших рук. Она ударилась о паркетный пол с оглушительным, пушечным грохотом, который эхом разнесся по пустой приемной. От удара застежка распахнулась, и десятки белых листов веером разлетелись по темному дереву.

Звук был таким резким, что створка двери, на которую я слегка опиралась, дрогнула и медленно, со скрипом поползла внутрь кабинета, открывая меня их взглядам. Поцелуй оборвался мгновенно. Елена вздрогнула и обернулась, недовольно щуря глаза. Дмитрий замер. Медленно, словно в замедленной съемке, он повернул голову к двери.

Наши взгляды встретились.

Я стояла на пороге его кабинета, промокшая под московским дождем, в помятом после самолета тренче, с растрепанными волосами и бледным, искаженным болью лицом. Я смотрела на мужчину, которого любила больше жизни, и видела перед собой абсолютно чужого человека. Губная помада Елены оставила красный, кричащий след на его губах и подбородке. Его рубашка была смята ее руками.

Сердце внутри моей грудной клетки билось с такой силой,

что, казалось, вот-вот сломает ребра. Я ждала. Даже сейчас, в эту секунду тотального, унизительного краха, какая-то крошечная, жалкая часть меня ждала, что он вскочит. Что он оттолкнет Елену, бросится ко мне, начнет оправдываться, кричать, что это ошибка, что всё не так, как кажется. Что он хотя бы произнесет мое имя.

Но Дмитрий Громов не шелохнулся.

Он сидел, зажатый между бедрами Елены Соболевой, и смотрел на меня. В его темных глазах не было ни паники, ни раскаяния. Только ледяная, непроницаемая бездна. Маска генерального директора, жестокого и циничного ублюдка, намертво приросла к его лицу. Желваки на его скулах напряглись, а взгляд стал таким холодным и отстраненным, словно перед ним стояла не женщина, которая кричала от наслаждения в его объятиях пару дней назад, а просто уборщица, случайно зашедшая не в ту дверь.

Он видел мою боль. Он видел слезы, которые уже блестели в моих глазах, застилая зрение. И он ничего не сделал. Ни единого жеста. Ни единого слова. Он просто позволил мне смотреть на это. Он убивал меня своим молчанием.

— Кто пустил сюда персонал посреди ночи? — капризно протянула Елена, спрыгивая со стола и поправляя подол платья. Она посмотрела на меня с откровенным пренебрежением. — Дима, у тебя в компании совершенно не работает служба безопасности. Девочка, ты заблудилась?

«Девочка, ты заблудилась?»

Эта фраза стала последней каплей. Она пробила мою грудную клетку и разорвала сердце в клочья. Я действительно заблудилась. Я заблудилась в его лжи, в его прикосновениях, в его фальшивых словах о защите. Я поверила, что нужна человеку, у которого вместо сердца — кассовый аппарат. Горло перехватило так, что я не смогла бы выдавить из себя ни звука, даже если бы захотела. Воздух вдруг стал ядовитым. Мне нужно было бежать. Бежать отсюда как можно дальше, пока я не закричала, пока не упала перед ним на колени, умоляя объяснить, за что он так со мной.

Я сделала судорожный вдох, глотая подступившие слезы. В последний раз посмотрела в его глаза — ледяные, чужие, пустые — и резко развернулась. Я не стала подбирать рассыпанные документы. Плевать на аудит. Плевать на холдинг. Плевать на всё. Я сорвалась с места и побежала. Я бежала по длинным, пустым коридорам пятьдесят восьмого этажа, и стук моих каблуков раздавался в тишине, как пулеметная очередь. Я не чувствовала ног. Я ничего не видела из-за горячих, жгучих слез, которые сплошным потоком лились по щекам, размазывая тушь.

«Только не оглядывайся, — стучало в висках. — Только не оглядывайся!»

Я влетела в кабину лифта, с силой ударив кулаком по кнопке первого этажа. Створки начали медленно закрываться. Я вжалась спиной в холодное зеркало, задыхаясь от рыданий, которые больше не могла сдерживать. В образовав-

шуюся щель я видела пустой коридор. Я все еще ждала, что он выбежит. Что он остановит лифт. Двери сомкнулись с тихим щелчком. Никто не пришел. Кабина полетела вниз, унося меня прочь от человека, который стал моим персональным разрушителем. Я сползла по зеркальной стене на корточки, закрыв лицо руками. Рыдания сотрясали мое тело. Я выла, кусая собственные костяшки пальцев до крови, чтобы звук не был таким громким. Это была даже не боль — это была агония. Словно из меня заживо вырвали кусок души, оставив на его месте зияющую, кровоточащую дыру.

Как он мог? Как он мог так смотреть на меня после всего, что между нами было? После тех ночей, когда он прижимал меня к себе так, словно я была его спасением? После бриллиантов, которые он надел на меня, клянясь, что я значу для него больше, чем кто-либо?

«Иногда ложь — это единственный способ затащить в постель дуру», — безжалостно подсказал внутренний голос.

Лифт остановился на первом этаже. Я заставила себя подняться. Вытерла мокрые щеки тыльной стороной ладони, хотя слезы не переставали течь. Я должна была выйти отсюда с гордо поднятой головой, даже если внутри меня всё превратилось в руины.

Ночной охранник, тот самый Виктор, вскочил со своего места, когда увидел меня.

— Анна Сергеевна? Господи, что с вами? На вас лица нет! Вы... вы плачете?

— Всё в порядке, Виктор, — мой голос был хриплым, чужим, сорванным. Я прошла мимо него, даже не взглянув. — Просто переутомление.

Я выбежала из стеклянных дверей небоскреба прямо под проливной дождь. Осенний московский ливень обрушился на меня, смывая остатки косметики, мгновенно пропитывая тонкий плащ и одежду до нитки. Но я даже не почувствовала холода. Холод внутри меня был гораздо сильнее. Такси, на котором я приехала, давно уехало. Я шла по пустой, блестящей от дождя улице, не понимая, куда иду. Мимо проносились редкие машины, обдавая меня брызгами. В свете желтых фонарей город казался враждебным, чужим. Таким же чужим, каким стал для меня Дмитрий.

Я остановилась на краю тротуара, дрожа всем телом то ли от холода, то ли от пережитого шока. Подняла руку и поймала проезжавшее мимо желтое такси. Водитель, тучный мужчина средних лет, удивленно присвистнул, когда я рухнула на заднее сиденье, оставляя мокрые следы на обивке.

— Куда едем, красавица? Ох, ну и вымокла ты! Обогреватель включить?

Я назвала свой адрес, с трудом ворочая онемевшим языком. Машина тронулась. Я откинула голову на подголовник и закрыла глаза. Калейдоскоп воспоминаний безжалостно крутился в моей голове, причиняя невыносимую пытку. Его руки на моей талии. Его шепот: «Моя». Его темный, голодный взгляд. И поверх всего этого — изумрудное платье Елены

Соболевой и его ледяные глаза, смотрящие на меня, как на пустое место.

Внезапно я почувствовала укол боли в мочке уха. Бриллиантовые серьги. Те самые серьги, которые он подарил мне, извиняясь за свою вспышку гнева. Те самые камни, которые я не снимала, нося их как тайный знак его любви. Сейчас их тяжесть казалась омерзительной. Они жгли кожу, словно были сделаны из раскаленного железа.

Дрожащими, непослушными пальцами я расстегнула английский замок на одном ухе, затем на другом. Камни блеснули в полумраке салона такси фальшивым, мертвым светом. Знак того, что я значу для него больше. Какая ирония. Это была не любовь. Это была плата. Аванс за мое молчание и за то, чтобы я безропотно убралась с его пути, когда придет время. Я сжала серьги в кулаке так сильно, что острые грани камней впились в ладонь.

«Ты не сломаешь меня, Громов», — подумала я, глотая злые, горькие слезы. — «Тебе это не удастся».

Завтра наступит новый день. Завтра всё изменится. Я больше не буду его идеальной ассистенткой. Я больше не буду его тайной слабостью, его куклой, его жертвой. Я вычеркну его из своей жизни так же безжалостно, как он сегодня вычеркнул меня. Я смотрела в залитое дождем окно такси на проплывающие мимо огни ночной Москвы, и внутри меня, на пепелище моей любви, зарождалась холодная, мертвая пустота. Это был конец. Иллюзия была уничтожена. На-

чиналась реальность. И в этой реальности Дмитрию Громову больше не было места.

Белое заявление

Утро наступило не сразу. Оно просачивалось сквозь щели жалюзи серой, безжизненной хмарью, словно природа за окном полностью разделяла то состояние выжженной пустоши, в которое превратилась моя душа.

Я не сомкнула глаз ни на секунду. Всю ночь я просидела на полу в ванной, прижавшись спиной к холодному кафелю, обхватив колени руками. Я не плакала — слезы закончились еще в такси. Внутри меня всё вымерзло, заледенело, превратившись в монолитную глыбу, которая мешала дышать. Перед глазами, как заевшая кинопленка, крутился один и тот же кадр: изумрудное платье Елены, ее руки на его плечах и его лицо. Его непроницаемое, ледяное лицо, когда он смотрел, как я ломаюсь пополам от боли на пороге его кабинета.

В шесть утра я заставила себя встать. Тело было чужим, деревянным, каждое движение давалось с невыносимым трудом, словно я перенесла тяжелую болезнь. Я встала под душ и включила ледяную воду. Струи били по коже, как крошечные иглы, но я не чувствовала холода. Я методично, с остервенением терла себя жесткой мочалкой, пытаясь смыть с кожи невидимые следы его прикосновений. Память тела — страшная вещь. Мои бедра всё еще помнили тяжесть его рук. Моя грудь всё еще ныла, вспоминая жадность его губ. Мои губы всё еще горели от его поцелуев.

«Иногда ложь — это единственный способ затащить в постель», — снова и снова пульсировало в висках.

Выйдя из ванной, я подошла к зеркалу. На меня смотрела незнакомка. Бледная кожа, заострившиеся скулы, темные провалы под глазами, в которых не осталось ни капли света. Вчера в этом зеркале отражалась влюбленная, полная надежд женщина, готовая бросить всё ради мужчины, который поклялся ее защищать. Сегодня там была лишь пустая оболочка.

Я открыла шкаф и выбрала свой самый строгий, самый дорогой костюм — темно-стальной брючный комплект, который сидел на мне как влитой, превращая в женщину-киборга, не знающую ни жалости, ни слабости. Белоснежная шелковая блузка, застегнутая на все пуговицы. Волосы, стянутые в тугой, безупречно гладкий узел на затылке. Ни единой выбившейся пряди. Ни единого намека на ту растрепанную, стонущую от страсти Аню, которой я была в его постели. Макияж стал моей боевой раскраской. Тональный крем скрыл бледность, графичные стрелки сделали взгляд жестким, а матовая помада цвета темного бордо добавила губам холодной высокомерности.

Я села за свой домашний ноутбук. Открыла пустой документ. Пальцы с пулеметной скоростью застучали по клавишам, выбивая сухие, казенные строчки:

«Генеральному директору ООО "Громов Холдинг" Громову Д.А. от личного ассистента Ветровой А.С. Заявление.

Прошу уволить меня по собственному желанию...»

Никаких двух недель отработки. Я сошлюсь на нарушение условий договора, на что угодно, но я не останусь в этом здании ни на один лишний час. Я распечатала лист, расписалась синими чернилами. Моя подпись была твердой. Рука даже не дрогнула. Затем я подошла к тумбочке в прихожей. Там, на холодном стекле, лежали они. Бриллиантовые серьги. Вчера ночью они казались мне символом его любви, знаком того, что я особенная. Сегодня они выглядели тем, чем были на самом деле — грязной платой за молчание. Обычной подачкой, которой богатый босс откупается от неудобной любовницы, пока развлекается со статусными женщинами. Я смахнула камни в сумку, не желая к ним прикасаться лишний раз. Забрала заявление, надела тренч и вышла из квартиры, не оглядываясь.

Дорога до офиса прошла как в тумане. Я вела машину на автопилоте, не обращая внимания на утренние московские пробки. Город вокруг жил своей жизнью, суетился, спешил на работу, а я чувствовала себя призраком, который случайно застрял в мире живых. Без четверти восемь я припарковалась на подземном паркинге «Громов Холдинга». На его личном месте уже стоял черный внедорожник. Значит, он не уезжал. Значит, он всё еще там, наверху. В кабинете. Возможно, на том самом столе. От этой мысли к горлу подкатила тошнота, но я сжала челюсти с такой силой, что скрипнули зубы. Я не позволю себе сломаться. Только не сейчас. Только

не перед ним.

Я вошла в лифт. Тот самый лифт, в котором вчера ночью я рыдала, сползая по зеркальной стене. Сейчас мое отражение было безупречным. Холодная, стальная стерва. Идеальная машина. Створки открылись на пятьдесят восьмом этаже. В приемной было пусто и тихо. Утренняя смена уборщиц уже закончила работу. На моем столе всё лежало точно так же, как я оставила несколько дней назад, улетая в Питер. Моя любимая ручка, ежедневник, пустая кофейная чашка. Всё это казалось декорациями к спектаклю, который больше не будет сыгран.

Я бросила сумку на кресло, достала из нее распечатанное заявление и бриллиантовые серьги. Сжала их в кулаке так крепко, что острые грани впились в кожу, причиняя отрезвляющую физическую боль. Сделав глубокий вдох, я направилась к тяжелым двустворчатым дверям его кабинета. Я не стала стучать. Просто положила руку на холодную металлическую ручку и толкнула створку. Кабинет встретил меня запахом остывшего кофе, сигаретного дыма и тем самым терпким ароматом его парфюма. И еще чем-то неуловимо сладким. Духами Елены. От этого запаха внутренности скрутило тугим узлом.

Дмитрий стоял у панорамного окна спиной ко мне. Он был в той же одежде, что и вчера ночью. Брюки, расстегнутая на несколько пуговиц белая рубашка, закатанные рукава. Пиджак валялся на кресле. В одной руке он держал ста-

кан с недопитым виски, другая была засунута в карман брюк. Он выглядел так, словно провел бессонную, выматывающую ночь. Его широкие плечи были напряжены, спина казалась каменной.

При звуке открывшейся двери он резко обернулся. На секунду — всего на одну жалкую микросекунду — на его лице промелькнуло что-то похожее на облегчение. Словно он ждал меня. Словно боялся, что я не приду. Но эта эмоция исчезла так же быстро, как и появилась, уступив место привычной, жесткой маске. Однако я заметила то, что он пытался скрыть: красные от бессонницы глаза, глубокие тени залегли под ними, резкие складки у губ.

Он поставил стакан на подоконник. Звон хрусталя о мрамор разорвал тяжелую, звенящую тишину кабинета.

— Аня, — его голос был низким, хриплым, прокуренным. Он сделал шаг в мою сторону, вытягивая руку ладонью вверх. В этом жесте было что-то умоляющее, что-то, что заставило бы меня еще вчера броситься в его объятия.

Но сегодня я была сделана из стали.

Я подошла к его огромному дубовому столу. Тому самому, на котором ночью сидела Елена. Мой взгляд скользнул по полированной поверхности. Идеально чисто. Никаких следов. Служба клининга работает безупречно, стирая грязь и чужие измены.

— Анна Сергеевна, — поправила я его ледяным, мертвым тоном.

Я положила белый лист заявления на самый центр столешницы. А сверху, прямо на свою подпись, с тихим стуком опустила две бриллиантовые серьги. Камни блеснули в утреннем свете холодно и безразлично. Дмитрий остановился как вкопанный. Его взгляд метнулся от моего лица к столу, к бумагам, к серьгам, а затем снова вернулся ко мне. В его глазах вспыхнул темный, опасный огонь. Желваки на скулах заходили ходуном.

— Что это? — процедил он сквозь зубы, хотя прекрасно понимал, что именно лежит перед ним.

— Это мое заявление об уходе по собственному желанию, Дмитрий Алексеевич. И ваша сдача, — мой голос не дрогнул. Я смотрела на него в упор, не моргая. Вся моя любовь, вся моя нежность, все те стоны, которые он вырывал из моего горла — всё это сгорело, оставив после себя лишь едкий пепел.

Он подошел к столу вплотную. Оперся о него кулаками, нависая надо мной. Между нами было меньше метра. Я чувствовала исходящий от него жар, видела каждую морщинку вокруг его глаз. Еще вчера я сходила с ума от одного его присутствия. Сейчас это присутствие меня душило.

— Ты никуда не уйдешь, — его голос упал до угрожающего, вибрирующего шепота. Это был не приказ босса. Это был рык зверя, у которого отнимают добычу. — Ты подписала контракт. Ты не можешь просто бросить бумажку на стол и исчезнуть.

— Могу. И сделаю это, — я вскинула подбородок, выдерживая его давящий взгляд. — По статье 80 Трудового кодекса я имею право расторгнуть договор, если работодатель нарушает его условия. А вы нарушили главное условие, Дмитрий Алексеевич. Вы перешли все границы профессиональной этики. Если вы попытаетесь меня удержать или заставить отрабатывать две недели, я устрою такой скандал в прессе, что акции «Громов Холдинга» рухнут к вечеру. Я расскажу всем, как генеральный директор спит со своей ассистенткой на рабочем столе, а потом прячет ее в другом городе, чтобы освободить этот же стол для Елены Соболевой.

Его глаза расширились. Мои слова ударили его наотмашь. Он явно не ожидал от меня такого отпора. Он привык, что я покладистая, что я смотрю ему в рот, что я таю от его прикосновений. Он не понимал, что предательство превращает женщину в монстра, которому нечего терять.

— Аня... послушай меня, — он попытался изменить тон, сделать его мягче, бархатнее. Тем самым тоном, которым он шептал мне «моя» в темноте спальни. Он протянул руку, пытаясь коснуться моей щеки. — То, что ты видела вчера ночью... это не то, что ты думаешь. Ты не понимаешь всей картины.

Я резко отшатнулась назад, словно от удара хлыстом.

— Не смей ко мне прикасаться! — мой голос сорвался, эхом отразившись от стеклянных стен кабинета. Вся моя холодная броня дала трещину, пропуская наружу чистую, кон-

центрированную ненависть. — Никогда больше не смей тянуть ко мне свои руки, Громов!

Он замер, рука повисла в воздухе. В его глазах мелькнула настоящая боль, но мне было плевать.

— Не то, что я думаю? — я горько рассмеялась. Смех получился каркающим, сухим. — А что я должна была подумать, Дмитрий? Что вы обсуждали котировки акций? Что она делала тебе массаж воротниковой зоны? Я видела вас. Я видела, как ты ее целовал. Я видела, как ты смотрел на нее!

— Это была игра! — рявкнул он, ударив кулаком по столу так, что серьги подпрыгнули. — Грязная, вынужденная игра! Я говорил тебе, что Карина ищет женщину! Ищет мою слабость! Елена — это прикрытие. Она знает о ситуации, она согласилась помочь. Я должен был убедить всех, что между мной и Соболевой роман, чтобы отвести удар от тебя! Ты была в безопасности в Питере, пока я здесь строил эту чертову декорацию!

— Декорацию?! — я задыхалась от ярости. От того, как легко он жонглировал жизнями, чувствами, правдой. — Ты целовал эту декорацию взасос на своем столе! Ты наслаждался этой декорацией! А меня ты просто вышвырнул, как мусор, даже не удосужившись объяснить! Ты трус, Дмитрий. Ты лживый, эгоистичный трус.

— Я пытался защитить тебя! — он сорвался на крик, его лицо исказилось. — Если бы Карина узнала про нас, она бы тебя уничтожила!

— Ты уже меня уничтожил! — выкрикнула я прямо ему в лицо, чувствуя, как по щеке все-таки катится одна предательская, горячая слеза. Я небрежно смахнула ее тыльной стороной ладони. — Мне не нужна твоя защита, Громов. Мне не нужны твои грязные тайны, твои сумасшедшие бывшие, твои актрисы на столе и твои бриллианты. Ты разбил меня в дребезги, а теперь пытаешься склеить дешевыми оправданиями.

Мы стояли друг напротив друга, тяжело дыша. Воздух между нами был наэлектризован до предела. В этом кабинете, где мы пережили столько часов безумной, всепоглощающей страсти, сейчас царила война на уничтожение. Я видела, как в нем борются два человека. Один — тот властный, жестокий хищник, который привык брать свое силой, который хотел сейчас перешагнуть через стол, прижать меня к стене и заткнуть мне рот поцелуем, доказывая свою власть. И второй — уязвленный, отчаявшийся мужчина, который осознал, что перешел черту, из-за которой нет возврата.

Мое тело предательски реагировало на его близость. Даже сквозь ненависть, сквозь боль, я помнила каждую линию его губ, каждую мышцу на его груди. Если бы он сейчас коснулся меня, если бы применил силу — я бы сломалась. Я бы ударила его, а потом, возможно, ответила бы на поцелуй, ненавидя себя за эту слабость. Это была больная, токсичная зависимость, которую нужно было вырвать с корнем.

— Подписывай, — мой голос снова стал ледяным, без-

жизненным. Я посмотрела на лист бумаги, лежащий между нами. — Подписывай, Дмитрий. И закончим на этом.

Он смотрел на меня долгим, невыносимо тяжелым взглядом. В его темных глазах бушевала буря, но он понял. Он понял, что любые слова сейчас разобьются о стену моего презрения. Он понял, что проиграл. Медленно, словно каждое движение причиняло ему физическую боль, он потянулся к внутреннему карману пиджака, висящего на кресле. Достал свой тяжелый перьевой «Монблан». Он склонился над столом. Его рука на секунду зависла над бумагой. Я видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих ручку. Он не хотел этого делать. Он сопротивлялся до последнего.

— Я всё видела, — тихо, но жестко произнесла я, предвосхищая его последнюю попытку заговорить. — Не нужно слов. Твои слова больше ничего не стоят.

Он закрыл глаза. Желваки на скулах дрогнули в последний раз. А затем он резким, рваным движением поставил размашистую подпись на заявлении. Чернила оставили глубокий след на бумаге, почти прорвав ее. Он отбросил ручку. Она покатилась по столу и упала на пол. Дмитрий выпрямился. Его лицо превратилось в непроницаемую, гранитную маску. Ту самую маску генерального директора, которую я так ненавидела и которую так отчаянно пыталась сорвать все эти месяцы.

— Вы свободны, Анна Сергеевна, — его голос звучал ровно, мертво, без единой интонации. — Бухгалтерия переве-

дет расчет до конца дня. Охрана проследит, чтобы вы сдали пропуск и корпоративный ноутбук.

Я кивнула. Это был конец. Официальный, сухой, безупречно оформленный конец нашей идеальной иллюзии. Я не стала забирать свою копию. Я развернулась на каблуках. Спина идеально прямая. Подбородок вздернут. Шаг твердый, уверенный.

Я шла к дверям, чувствуя его тяжелый, обжигающий взгляд на своей спине. Он прожигал меня насквозь. Каждая клетка моего тела кричала, умоляла меня обернуться. Обернуться в последний раз, чтобы увидеть его лицо, чтобы запечатлеть его в памяти навсегда.

«Только не оглядывайся. Только не смей оглядываться, Анна», — приказывала я себе, стиснув зубы до боли.

Я толкнула тяжелую створку. Вышла в приемную. Прошла мимо своего стола, даже не взглянув на него. Бросила на корпоративный ноутбук свой пластиковый пропуск — единственный ключ, который связывал меня с этим местом и с этим мужчиной.

Двери лифта открылись передо мной, словно врата в другую жизнь. Я вошла в кабину, нажала кнопку паркинга и встала лицом к дверям. Створки медленно поползли навстречу друг другу, отрезая от меня вид на пустую приемную, на полуоткрытую дверь кабинета номер один.

Я ушла. Ушла, не дав ему ни единого шанса на оправдания. Ушла, оставив на его столе свою любовь, свое доверие и

чертовы бриллианты, которые оказались фальшивее, чем его слова. Лифт понесся вниз. В груди зияла огромная, черная дыра, сквозь которую дул ледяной ветер, но я знала одно: я выживу. Я соберу себя по кускам, я сменю работу, сменю город, сменю жизнь. Я сотру Дмитрия Громова из своей памяти, даже если для этого мне придется вырвать собственное сердце.

Бегство началось.

Город без прошлого

Говорят, что время лечит. Это самая циничная и наглая ложь, придуманная человечеством для самоуспокоения. Время не лечит. Оно просто работает как неумелый хирург — зашивает рану грубыми, толстыми нитками, не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.